

Арсений (Стадницкий), еп., Заозерский Н. А., проф.; Глаголев С. С., проф.; Тихомиров П. В., доц.; Левитский А. М., студ.; Моисеев Н. Г., студ. Любомудров Г. В., студ.; Малинин А. П., студ.; Маранкудакис Дионисий, иерод.; Бондарь С. Д.; Остроумов Н. И.; Платонов А. И.; Островский Ф. Л., свящ.; Бенеманский М. И.; Виноградов М. А.; Соболев А. М., свящ.; Любомудров Г. В. [Памяти проф. И. Н. Корсунского] // Богословский вестник 1900. Т. 1. № 1. С. 138–176 (3-я пагин.).

Р Ъ Ч Ъ

Преосвященнаго Арсенія, Ректора Академіи, сказанная предъ отпѣваніемъ ординарнаго профессора Московской Академіи Ивана Николаевича Корсунскаго.

Исполнилось твое желаніе, возлюбленный Иванъ Николаевичъ; исполнилось, быть можетъ, даже скорѣе, чѣмъ ты помышлялъ. Въ послѣдніе предсмертные дни своей страдальческой жизни ты такъ желалъ быть въ родной академической семьѣ. И вотъ теперь ты среди насъ, горячо любящихъ и любимыхъ тобою сослуживцевъ и учениковъ; опять ты въ семьѣ святомъ храмѣ, въ которомъ такъ любилъ молиться.

Но не на радость собралъ ты насъ вокругъ себя; не такимъ желали мы зрѣть тебя послѣ долгой разлуки; не такую бесѣду желали бы вести съ тобою. *Зряще мя бездѣсна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаменїи*, взываешь ты къ намъ устами Св. Церкви. Плачутъ, горько плачутъ о тебѣ, возлюбленный собратъ, не только сродницы и друзи, но и всѣ знаемые, потрясенные и глубоко огорченные преждевременнымъ, по нашимъ человѣческимъ разсчетамъ и соображеніямъ, отшествіемъ твоимъ изъ здѣшняго міра, помышляя о томъ, какая драгоценная жизнь угасла. Скорбитъ о тебѣ Академія, потерявшая даровитаго сына своего, вѣрую и любовію служившаго ей въ теченіе болѣе двухъ десятилѣтїи и приумножившаго чести и славу ея; скорбятъ сослуживцы твои, лишившіеся въ тебѣ благожелательнаго и услужливаго сотоварища; скорбятъ о тебѣ ученики твои, безпредѣльно любившіе тебя какъ своего незамѣнимаго руководителя и радѣтеля о ихъ нуждахъ; скорбитъ весь сія и по преимуществу бѣдные и убогіе населенники ея, потерявшіе въ тебѣ своего отца и благодѣтеля.

Скорбь эта, вѣримъ, отозвется болѣзненнымъ стономъ и во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества, гдѣ на разныхъ попрницахъ проходятъ жизненное служеніе свое многочисленныя твои ученики, а также и многіе, знающіе тебя.

Но скорби-ли только мѣсто при этомъ гробѣ? И куда влечетъ меня скорбь? Я, служитель Церкви Христовой и проповѣдникъ воскресенія Того, Который смертію смерть попралъ и даровалъ намъ животъ вѣчный, подѣ влияніемъ естественнаго, правда, скорбнаго чувства, забытъ на мгновеніе объ утѣшительныхъ истинахъ евангелія и возбуждаю себя, а также призываю и васъ, братіе, къ сѣтованіямъ, тогда какъ надлежитъ здѣсь причина благодаренія и прославленія Бога. Къ благодаренію Бога и приглашаетъ Св. Церковь всѣхъ сѣтующихъ при каждомъ гробѣ вмѣстѣ съ послѣднимъ цѣлованіемъ,—къ благодаренію за окончаніе земнаго страствія по бурному морю житейскихъ попеченій, и за начало новой жизни, въ которую вступаетъ усопшій. Правда, есть не малое число гробовъ, надъ которыми трудно выполнить долгъ благодарности предъ Богомъ, заповѣданный Церковію. Но здѣсь, при этомъ гробѣ я смѣло отъ имени Церкви призываю васъ, братіе, къ благодаренію Бога за Его милости, явленныя къ усопшему собрату нашему, за пройденный имъ жизненный путь. Путь этотъ вонетну спасительный и служитъ залогомъ того блаженнаго пути, на который теперь вступила душа усопшаго. Вся жизнь его, протекшая предъ нами, является самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ сказаннаго.

Не вѣра-ли, живая и сердечная, служила для него свѣточемъ на жизненномъ пути? Не добродѣтель-ли была цѣлью его жизни? Не любовь-ли къ Богу и ближнимъ лежала въ основаніи всей его дѣятельности, которой онъ всецѣло посвятилъ свой богато-одаренный умъ, многообразныя знанія и прекрасныя качества своего сердца и воли? Кто не знаетъ его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ самаго разнообразнаго характера? Кому неизвѣстны труды его по изясненію Слова Божія? Кто не знаетъ трудовъ его по исторіи Русской Церкви, судьбы которой такъ интересовали его? Сколькихъ святителей—Архипастырей, живыхъ и умершихъ, жизнеописателемъ былъ онъ, явивъ дѣла ихъ міру во славу Божію? Кто былъ лучшимъ описателемъ и истолкователемъ

радостей и горестей нашей академической жизни, дѣтошцемъ которой онъ справедливо называется?...

Точно такъ же, какъ почившій собратъ нашъ сдѣлалъ доброе употребленіе изъ своего ума и знанія, постоянно дѣлалъ онъ доброе употребленіе и изъ прекрасныхъ качествъ сердца и воли. Щедро надѣлила его этими качествами природа, прекрасно развить и направить ихъ онъ самъ. Доброта, теплота души, готовность быть полезнымъ для своихъ близкихъ, служить имъ: таковы отличительныя качества его сердца. И не зарывалъ онъ въ землю этихъ талантовъ; не замыкался самолюбиво съ своими добрыми качествами въ себѣ самомъ; а всецѣло посвятилъ ихъ на пользу близкихъ,—за что и присвоено было ему наименованіе *добрѣйшаго*. И кто, кто не знаетъ *добрѣйшаго* Ивана Николаевича? Вѣмъ онъ извѣстенъ, начиная съ высшихъ слоевъ общества до самыхъ низшихъ, отъ роскошныхъ палатъ до самой убогой хижины бѣдняка. Любезное сердце его открывалось для всѣхъ, особенно—обездоленныхъ, немощныхъ и слѣпыхъ. Есть-ли въ нашей веси хоть одно благотворительное учрежденіе, начиная съ нашего Общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ, душою котораго не былъ бы добрѣйшій Иванъ Николаевичъ! Именно душою. потому что *онъ* вносилъ жизнь въ эти учрежденія, а безъ *него* они или прекратили бы свое существованіе, или же съ трудомъ влачили бы его.

Удивляешься, вопитицу удивляешься, какъ онъ всюду постигалъ, какъ его вездѣ ставало. Образцово исполняя свои прямыя профессорскія обязанности, онъ съ полною добросовѣстностію проходилъ и многочисленныя другія обязанности, которыя возлагало на него довѣріе начальства и любовь многихъ, иногда и не безкорыстныхъ, почитателей его. День наставалъ для него съ самаго ранняго утра и оканчивался слишкомъ поздно. Да, онъ бодрствовалъ, а другіе могли почивать....

Самую любимую и вожделѣннѣйшую мысль въ послѣдніе два года жизни усопшаго была мысль о построеніи храма при одномъ изъ убѣжищъ въ нашей веси,—мысль, которая, мы знаемъ, близилась къ осуществленію. Это лучше всего показываетъ, какъ онъ широко понималъ благотворительность. Это же служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что вся жизнь его была въ Богѣ, для Бога и

для ближнихъ. Этимъ объясняется и всегдашняя его жизнерадостность, такъ и свѣтившаяся въ его добрыхъ глазахъ и сообщавшаяся другимъ. Эта жизнь въ Богѣ и служить основаніемъ того высоко-правственнаго настроенія, которое проникало всю жизнь его, выражаясь при этомъ въ глубочайшемъ смиреніи. Довольство своимъ скромнымъ положеніемъ, протекавшее изъ полной преданности Промыслу Божію, опредѣляющее жребіи человѣческіе, было самою видною чертою его отношеній къ самому себѣ, къ своему положенію. Самоуверенность, которою часто грѣшатъ неистинно ученые, мысль о правахъ на лучшее состояніе, на высшее положеніе были неизвѣстны ему, хотя они и могли бы найти для себя поводъ и основанія въ его трудахъ и заслугахъ. Выше Академіи и дорожке службы при ней онъ ничего не ставилъ....

Послѣдніе дни его жизни весьма ясно свидѣтельствуютъ о его высокой настроенности и великой преданности воли Божіей. Господь судилъ ему нести въ послѣднее время тяжелый крестъ продолжительной тяжелой болѣзни. Но никогда не было слышно отъ него ропота на этотъ крестъ: никогда въ разсказахъ его о своей болѣзни не было ни раздраженія, ни нетерпѣнія. Всегда такая видна была покорность и преданность воли Божіей, такое всегда невозмутимое спокойствіе, что, казалось, онъ ведетъ рѣчь о чужихъ недугахъ, и не тяжкихъ недугахъ. А то спокойствіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на приближавшійся часъ смертный, ясно говоритъ намъ, что умъ его вѣрилъ въ отрадныя истины вѣчной жизни и воскресенія, и въ этой вѣрѣ находилъ оружіе противъ страха смерти. Многократное очищеніе себя отъ грѣховъ неповѣлію ипріобщеніе св. таинъ тѣла и крови Христовыхъ въ послѣдніе дни жизни ясно свидѣтельствуютъ, что усопшій собралъ нашъ пекаль себѣ оправданія и очищенія отъ грѣховъ въ крестныхъ заслугахъ Божественнаго Искупителя, усвояемыхъ христіанину въ таинствѣ покаянія, и залога вѣчной блаженной жизни въ плоти и крови Христовыхъ, въ искреннемъ общеніи со Христомъ.

Послѣ этого еще разъ вопрошаю: только-ли скорби мѣсто у гроба сего? Не всякій-ли и изъ насъ пожелаетъ себѣ такой многоплодной жизни, а главное — такой христіанской

кончины? Попетинъ угодна Господу душа его, почему и взялся онъ отъ среды лукавствія въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Возлюбленный собратъ! Не вѣнецъ похвалъ намъ брелись мы сплести тебѣ настоящимъ словомъ; и не потому, чтобы въ изображеніи качествъ богато-одареннаго ума и любвеобильнаго сердца твоего мы не нашли для него благоухающихъ цвѣтовъ, а потому что онѣ для тебя излишни. Подвинула насъ къ этому слову личная къ тебѣ любовь, слившаяся съ любовью ввѣренной мнѣ Академіи—твоихъ сослуживцевъ и учениковъ. Цвѣтокъ общей любви да увѣщаетъ твою главу, служба залогомъ нашего непрестающаго общенія, ибо *любы никогда не умираютъ*. И изъ проливаемыхъ надъ твоимъ гробомъ слезъ, отъ которыхъ мы не можемъ удержаться по немощи нашего естества, прими отъ насъ только одну слезу для вѣчнаго орошенія неувядаемаго вѣнка,—слезу общей благодарности отъ горячо любящей тебя Академіи, отъ нашей веси и отъ всѣхъ твоихъ почитателей и учениковъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли Русской.

Къ тебѣ теперь слово наше, оспротѣвшее семейство. Велика твоя скорбь, велико твое горе! Мы теперь касаемся раны твоей не для того, чтобы еще больше растравить ее, а—по возможности—уврачевать ее. Но мы показали бы только невѣдѣніе сердца человѣческаго, если-бы возмнили, что отъ нашихъ словъ могутъ исцѣлѣвать раны сердца, подобныя твоимъ; и мы знаемъ, что въ настоящія минуты для тебя нѣтъ утѣшенія на землѣ; ищите его тамъ, на небѣ, у Врача душъ и сердецъ, и Онъ, Всеблагій Утѣшитель, подастъ вамъ его. Утѣшенные Имъ не только не скорбѣли о смерти, но и сами съ радостію шли на смерть. Итакъ, первѣе и паче всего обращайтесь въ скорби вашей ко Господу. Какъ радовались предъ Имъ, такъ и сѣгуйте предъ Имъ же. Вы старались быть вѣрными Ему во дни вашего счастья: Онъ-ли покажетъ Себя невѣрнымъ во дни вашего несчастія? Нѣтъ; если Онъ попустилъ принти на васъ тяжелому искушенію, то не оставитъ за симъ искушеніемъ сотворить и утѣшеніе.

Да утѣшитъ Господь тебя, супруга усопшаго въ скорби твоей. Всѣ мы—свидѣтели твоей самоотверженной любви во

дни болѣзни твоего супруга, для спасенія котораго отъ узъ смерти ты готова была пожертвовать своею жизнью. Но, видно, и любовь человѣческая имѣетъ границы. Повинуясь гласу свыше, неудержимо воспарить къ горнему отечеству твой супругъ, оставивъ тебя и дѣтей вашихъ здѣсь. Въ молитвѣ объ усопшемъ и въ добромъ воспитаніи оставленныхъ на твоёмъ попеченіи дѣтей твоихъ ищи себѣ добраго, святаго, спасительнаго утѣшенія.

Да утѣшитъ Господь и васъ, оспротѣвшія дѣти! Уже съ ранняго утра вашей жизни Господь посѣтитъ васъ испытаніемъ. Но знайте и вѣруйте, что если Господь печется вообще о всѣхъ людяхъ, то о сиротахъ — по преимуществу. Онъ, Всеблагій, теперь заступитъ мѣсто Отца и Покровителя. Къ Нему теперь обращайтесь съ молитвою и на Него всецѣло возлагайте теперь свое упованіе. Твердо помните и добрые святые уроки, которые давалъ вамъ отецъ и своими внушеніями, и своею жизнію, и постарайтесь сообразовать съ ними жизнь вашу. Это и для васъ будетъ великимъ благомъ, и ему въ загробной жизни доставитъ радость и утѣшеніе.

Гряди же съ миромъ въ горній градъ живаго Бога, возлюбленный собратъ нашъ. Мы вѣруемъ, что со духи праведными почіетъ душа твоя и ты услышишь сладчайшій гласъ Господа небеснаго, глаголюща: „рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего“.

С Л О В О

Профессора Н. А. Заозерскаго ¹⁾.

Оставлено есть субботство людямъ Божіимъ.

Вшедый бо въ покой Его и той почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ своихъ Богъ. (Евр. IV, 9 и 10).

Поконтеся безмятежнымъ сномъ рѣдкій труженникъ, въ послѣдній разъ съ нами субботствуя, чтобы обнощевать и встрѣтить день Воскресенія Христова во всечестномъ храмѣ.

¹⁾ Сказано по принесеніи тѣла умершаго въ академическую церковь.

Пресѣклась необычно дѣятельная жизнь; прекратилось многотрудное страствованіе по стезямъ христіанскаго пресвѣщенія и благотворенія, и вотъ конецъ ихъ—покой, или, по выраженію Св. Апостола, субботство, оставленное людямъ Божиимъ.

Что значить это субботство? Почему суббота, или покой Божій есть желаемый конецъ труда, желаемая цѣль страствованія?

Вспокоемъ, братіе, въ это великое, но нѣсколько прикромленное слово Апостола Христова, чтобы уяснить себѣ значеніе и смыслъ переживаемыхъ минутъ блаженнаго субботствованія почившаго о Господѣ брата и сослуживца нашего.

Представляется странною въ ученіи Св. Апостола мысль, что покой или суббота оставлена людямъ Божиимъ только: но развѣ не каждый человѣкъ умираетъ? Развѣ жизнь каждаго, какъ бы многотрудна, или вовсе бездѣятельна ни была, не оканчивается безмятежнымъ покоемъ смерти? Не менѣе странною представляется и такъ часто повторяющаяся молитва Св. Церкви: *покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего*; зачѣмъ молиться о покой, когда послѣдній уже наступилъ?

Наступилъ..... Наступилъ ли дѣйствительно?

Поставьте только этотъ вопросъ, припоминая то счастливую, то злополучную жизнь и кончину павшихъ вамъ лицъ, друзей, и вы, можете быть, ужаснетесь, вострепенете... И этотъ ужасъ, охватившій васъ при представленіи несенкойной заgrabной судьбы вашего друга не побудитъ ли васъ къ горячей за него молитвѣ о покой, казавшейся дотошъ излишнею?

Но не ужасъ и стечаніе вдуваетъ намъ великое слово Апостола о субботствѣ людей Божіихъ, а благоговѣйную, радостную и возвышенную надежду.

Оставлено—говоритъ онъ съ непоколебимою увѣренностію—*оставлено есть субботство людямъ Божиимъ*; такъ что *шедшій въ покой Божій почи отъ дѣлъ своихъ*, какъ почилъ Богъ отъ своихъ въ день седьмой, когда, окончивъ твореніе свое, *видѣ (Богъ) вся, слики сотвори: и се добра зѣло* (Быт. I, 31.).

Вотъ о какаго рода покой молится Св. Церковь! Вотъ о

какого рода субботствѣ такъ увѣренно говорить Св. Апостоль! Это—не покой смерти—прекращенія каждой жизнедѣятельной силы, какъ то видимъ мы при смерти тѣла, это не покой даже глубокаго сна, доходящаго до потемнѣнія сознанія, до прекращенія всякаго созерцанія, но покой Божественный—нескончаемая, неизъяснимая радость чистаго созерцанія творческой красоты и славы Божіей.

Не все люди—какъ бы они ни были дѣятельны—входили и войдутъ въ покой Божій. Устами пророка Самъ Богъ сказалъ: *клякса во гнѣвъ Моелъ, аще внидутъ въ покой мой* (Псал. 94, 11.). И пророкъ, вспоминая этотъ приговоръ гнѣва Божія и предупреждая своихъ современниковъ, говоритъ: *и днесь не ожесточите сердцецъ вашихъ яко въ прогнѣваніи во дни искушенія въ пустынь* (ст. 8).

Обѣщанъ былъ покой Божій древнему Израилю, но онъ ожесточилъ сердце свое и услышалъ грозныя слова: *не внидутъ въ покой Мой*. Они не внидутъ; но—говоритъ Апостоль—*днесь оставася субботство людемъ Божіимъ* (Евр. IV, 7—8).

Кто и гдѣ эти люди Божій?

Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы (Гал. III, 13) и призвалъ и призываетъ къ наслѣдію обѣтованныхъ древнему Израилю благъ Божественнаго покоя всехъ, обращающихся къ Нему сердцемъ, идущихъ во слѣдъ Ему, сообразующихся съ Нимъ въ страданіяхъ и смерти Его: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы* (Мат. XI, 28).

Девятнадцать вѣковъ странствуетъ Церковь Христова въ мірѣ, какъ Израиль въ пустынѣ, или какъ корабль по бурнымъ волнамъ моря, доставляя въ небесную пристань пловцовъ своихъ, внимающихъ гласу Христа.

Былъ ли ты, досточтимѣйшій, блаженнопочившій братъ нашъ, пловцемъ этого корабля?

О, какъ отрадна увѣренность всехъ знавшихъ тебя въ томъ, что ты былъ имъ!

Изъ 50-ти лѣтъ своей жизни 40 ты прилагалъ свои духовныя силы къ тяжкимъ трудамъ на кораблѣ Христовомъ. Кто изъ сверстниковъ твоихъ по духовной школѣ воспитанія не засвидѣтельствуетъ, что ты изумлялъ ихъ своимъ трудолюбіемъ! Кто изъ нихъ не скажетъ, что въ это время ты, какъ древній столпникъ, дни и ночи простаивалъ и просиживалъ у письменнаго рабочаго стола, весь обложенный и

погруженный въ источники Богословскаго знанія, и читаль, и писалъ..... Кто не скажетъ, что слово Божіе, разными языками толкуемое, питало умъ твой, было твоею родною стихіею?

Загѣмъ началось твое служеніе духовной школѣ въ нисшихъ и высшихъ ея званіяхъ. Говорить-ли мнѣ о томъ, что ты съ самоотверженіемъ, съ самопожертвованіемъ отдавался этому служенію? Нѣтъ, я не буду говорить объ этомъ. Ибо, что значить мое слово, когда оставленныя тобою творенія, дѣла твои, такъ громко говорятъ объ этомъ? Да и при томъ же я не неосновательно опасуюсь предвосхитить о семъ слово достойнѣйшихъ меня?

Говорить ли мнѣ о томъ, что не умомъ только, но и сердцемъ своимъ ты отдавался служенію Христовой заповѣди,—заповѣди глубокой и широкой? Любишь ли ты близкихъ своихъ и ближнихъ своихъ, и кто былъ твоимъ ближнимъ? Коснусь-ли я своимъ словомъ святѣйши христіански благоустроеннаго, семейнаго, гостепріимнаго очага твоего? Но здѣсь утрата, причиненная твоею смертію, такъ велика, что мое слово будетъ лишь неосторожнымъ прикосновеніемъ къ мукамъ скорби, едва переносимой..... Коснусь ли я своимъ словомъ твоихъ отношеній къ сослуживцамъ, ученикамъ, къ разнообразной бѣднотѣ нашего города, которой служилъ ты такъ много и безкорыстно, какъ можетъ служить только истинный христіанинъ?

О какъ много хотѣлось бы говорить мнѣ объ этомъ! Но я боюсь, что уже и теперь я превышаю мѣру слова, боюсь далѣе нарушать благоговѣнно—молитвенную тишину множества стоящихъ у твоего гроба, говорящую объ этомъ краснорѣчивѣе моего слова.

Одно лишь долженъ я сказать для приличнаго окончанія своего слова: въ жизни своей ты шелъ тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, тѣмъ именно путемъ, которымъ предписано идти пловцамъ корабля Христова. А что значить идти тѣснымъ и скорбнымъ путемъ? Это значить — по объясненію одного великаго отца Церкви и подвижника ¹⁾—изъ всего своего отдавать часть Христу и ради Него терпѣть лишенія и стѣснять тотъ пространный путь личнаго счастія и по-

¹⁾ Св. Іоанна Постника, патриарха Константинопольскаго.

коя, на который всегда манить гордый, безграничный въ своихъ стремленіяхъ чловѣческій эгоизмъ.

На семь основывается надежда наша, что корабль Церкви Христовой привелъ тебя теперь къ небесной пристани, какъ вѣрнаго до послѣднихъ минутъ пловца своего; а эта надежда возгрѣваетъ въ насъ пламенную молитву: *покой, Спасе нашъ, съ праведными раби твоего и сего всели во дворы Твоя*“.

Р Ъ Ч Ъ

профессора С. С. Глаголева ¹⁾.

Въ началѣ жизни школу помню я, и одинъ образъ въ этой школѣ непрестанно выдвигается передо мною напередъ, рисуется мнѣ особенно ярко, одинъ голосъ вспоминается мнѣ, голосъ исполненный теплой ласки, вѣящій нѣжнымъ дыханіемъ любви. Этотъ голосъ замолякъ теперь, черты этого образа черезъ немного минутъ скроются отъ насъ навѣки, и стукъ гробоваго молота возвѣститъ намъ, что мы никогда не увидимъ ихъ болѣе. Но теперь въ минуты близкія къ послѣднему цѣлованію воспоминанія стараго охватываютъ съ особенною силою, какъ будто свѣтлыя воспоминанія прошлаго пытаются ослабить тяжелое горе настоящаго, какъ будто мысль о томъ, что имѣлъ, пытается отодвинуть назадъ мысль о томъ, что потерялъ.

Почти четверть вѣка назадъ почившій, скорбь о которомъ теперь владѣетъ нами, былъ назначенъ начальникомъ скромной духовной школы—тульского духовнаго училища. Въ эти же дни я поступилъ туда въ качествѣ ученика. Болѣе двухсотъ мальчиковъ было насъ въ школѣ, мальчиковъ въ возрастѣ отъ 9 до 15—16 лѣтъ, въ томъ возрастѣ, когда въ юныхъ сердцахъ развивается вѣра въ жизнь и любовь къ людямъ или, наоборотъ, проростають сѣмена недоувѣрія, зарождается холодъ души, который потомъ на всѣ дѣла чловѣка кладетъ свой мертвенный отпечатокъ. Въ школѣ воспитывавшей насъ этотъ холодъ не могъ зародиться, онъ могъ идти откуда-нибудь извнѣ, но не отъ школы. Начальникъ близко зналъ насъ всѣхъ, въ каждомъ изъ насъ онъ

¹⁾ Произнесена во время запричастнаго стиха.

отыскивалъ лучшія струны сердца и спѣшили прикасаться къ нимъ, чтобы зародить въ душѣ мальчика теплоту, которою потомъ, ставши мужемъ, онъ могъ бы согрѣвать и другихъ. Въ часы, которые у насъ были свободны и которые онъ—вѣчно занятый—отнималъ отъ другихъ дѣлъ, онъ приходилъ къ намъ и велъ любовно отеческія бесѣды съ нами. Онъ приносилъ намъ со стороны книжки для чтенія, потому что въ нашей бібліотекѣ ихъ собственно не было, онъ приносилъ намъ конфекты—а насъ было болѣе двухсотъ человекъ—и говорилъ, что ему кто-то ихъ подарилъ, онъ рассказывалъ намъ о томъ, что дѣлается въ мірѣ, онъ слушалъ насъ и наблюдалъ за нами и разбиралъ наши недоразумѣнія. „Не будьте эгоистами“, говаривалъ онъ намъ, и мы спрашивали, что такое эгоистъ, и получали любовный и назидательный урокъ греческаго языка, психологіи и христіанскаго правоученія. Тогда была рускотурецкая война. Съ картою и указкою онъ знакомилъ насъ съ ея ходомъ, онъ рассказывалъ намъ о тѣхъ насиліяхъ, которымъ подвергались болгары—христіане отъ турокъ, о тѣхъ жертвахъ, которыя русскіе люди приносили дѣлу освобожденія своихъ славянскихъ братьевъ. Скучный свѣтъ освѣщаль карту и оратора, сумракъ надвигался въ классѣ, но въ нашихъ маленькихъ учащенно бившихся сердцахъ начинала загораться и свѣтитъ любовь къ правдѣ, къ добру, любовь къ жертвѣ. Мы представляли себѣ невинныя страданія нашихъ единовѣрныхъ братьевъ, и намъ пачинало казаться несправедливостью то благополучіе, которымъ мы пользовались. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Какъ шерсть ягненка на рѣпьяхъ, рвала у многихъ изъ насъ жизнь лучшіе порывы нашихъ думъ. Но—вспомнишь—и на душѣ станетъ свѣтлѣе, отъ нахлынувшихъ воспоминаній смягчается жестокость сердца, начинаешь чувствовать свою виновность передъ другими, хочешь заслужить у нихъ прощеніе. Тяжелую борозду приходится проводить по нивѣ жизни многимъ изъ питомцевъ тульской духовной школы конца семидесятыхъ годовъ—кто священникомъ въ бѣдномъ сельскомъ приходѣ, а кто и просто сельскимъ учителемъ, но, думается, для всѣхъ этихъ питомцевъ образъ ихъ смотрителя навсегда останется нравственнымъ свѣточемъ, опорой для вѣры въ добро. Заболѣлъ мальчикъ. Кто стоитъ около его больнич-

ной койки съ просфорю, съ словами ласки, утѣшенія и любви? Смотритель Иванъ Николаевичъ. Забудетъ ли это мальчикъ? О нѣтъ, онъ только пойметъ всю цѣну этого гораздо позднѣе. У ученика умеръ отецъ. Заботу о томъ, чтобы по возможности приготовить сироту къ выслушанію ужасной вѣсти, заботу о возможномъ смягченіи его скорби принимаетъ на себя смотритель. Смотритель постоянно былъ около насъ, смотрѣлъ за нами и охранялъ насъ на всѣхъ путяхъ. Онъ съ нами на нашихъ играхъ, потому что насъ нужно было учить играть, онъ—въ нашей умывальнѣ и учить насъ употребленію зубнаго порошка—для большинства дѣду совершенно новому и незнакомому, онъ съ нами на нашихъ вечернихъ занятіяхъ, и мы просимъ объяснить въ урокъ то, чего не понимаемъ. Онъ знаетъ всѣхъ, кто получилъ утромъ неудовлетворительные баллы, и эти маленькія жертвы науки особенно дороги ему, онъ и самъ спрашиваетъ и проситъ надзирателей позаботиться, чтобы къ слѣдующему дню они оказались болѣе подготовленными. Утромъ онъ приходитъ на уроки нашихъ преподавателей, онъ прочитываетъ всѣ наши письменныя упражненія по всѣмъ предметамъ. Лѣтомъ въ свободныя часы онъ велъ насъ въ поле, лѣсъ, купальню; при этомъ, гдѣ мы должны были платить, намъ представлялось весьма естественнымъ, что за насъ платилъ смотритель. Самъ онъ преподавалъ катихизисъ и богослуженіе—это теоретическое и практическое богословіе низшей духовной школы; онъ выяснялъ намъ различіе между этими науками и прочими предметами, училъ насъ изученіе ихъ особенно связывать съ молитвой, открывалъ намъ въ понятной нашему дѣтскому пониманію формѣ, что не можетъ быть истиннаго знанія религій безъ религіозности. Съ нами онъ ходилъ на наши молитвы и иногда самъ читалъ ихъ. Всегда онъ присутствовалъ при богослуженіяхъ въ училищномъ храмѣ—скромный, серьезный, благоговѣйный. И можетъ быть его молитвы и вѣрныхъ ему малыхъ много облегчили послѣднимъ путь жизни.

Онъ внушалъ намъ благоговѣніе въ дѣлахъ религіозныхъ, почтительность въ отношеніяхъ къ наставникамъ и воспитателямъ, любознательность по отношенію къ дѣлу изученія, чувства услужливости и взаимопомощи въ товарищескихъ отношеніяхъ, вездѣ и ко всѣмъ—любовь.

Когда я кончилъ курсъ училища, снѣ перешелъ на службу въ академію, и шесть лѣтъ спустя я вмѣстѣ съ моими земляками, отыскивая дорогу въ академію, стучался у дверей его дома. Двери гостепріимно открылись. Мы были ободрены, намъ были сдѣланы всѣ нужныя указанія, даны пособія для экзаменовъ. Потомъ, поступивши, мы всегда безъ колебанія шли къ нему въ домъ и не только своими посѣщеніями отнимали у него дорогое время, но оставляли ему для насъ работу и на будущее время: указать книги для сочиненія, нужныя страницы, нужныя цитаты; я пользовался отъ него такими указаніями, будучи уже не студентомъ. Я не смѣю говорить о всѣхъ его трудахъ и работахъ. Многие здѣсь знаютъ ихъ несравненно лучше меня, потому что работали вмѣстѣ съ нимъ на различныхъ попріцахъ, а я только злоупотреблялъ его добротой и пользовался его работами. Но думаю, что многое изъ того, что онъ дѣлалъ, извѣстно только тѣмъ, для кого онъ дѣлалъ, и Господу Богу. Его ученныя работы, это — наше дорогое наслѣдіе, но онъ работалъ много для ученыхъ работъ другихъ, и его имя подъ печатными трудами далеко не обнимаетъ того, что было имъ сдѣлано для науки. Но было у него иное дѣло, которому онъ служилъ, дѣло болѣе святое и высокое, чѣмъ даже служеніе богословской наукѣ, дѣло, которое когда дѣлается свято, всегда на землѣ имѣетъ скромный и незамѣтный видъ, но на которое всегда ниспосылается особенное благословеніе неба: это — дѣло благотворенія, забота о нищихъ, недостаточныхъ. Сколько слезъ онъ отеръ своею маленькою, нѣжною рукою, сколько сырыхъ онъ накормилъ, сколькимъ обездоленнымъ онъ далъ свѣтлые дни, сколькихъ устроилъ. Теперь приближаются дни Рождества. Сколько бѣдныхъ, сколько больныхъ намѣревались протянуть къ нему свои озябшія, закорузлыя, изстрадавшіяся руки съ мольбою о помощи. О, эти руки не остались бы безъ подаянія! Кто дастъ имъ его теперь? Но все равно: будутъ ли эти руки оттолкнуты въ другомъ мѣстѣ, или найдутся доброты — а они найдутся на святой Руси, — которые положатъ въ нихъ свою сильную ленту, немало крестныхъ знаменій положатъ они за того, кто теперь бездыханный лежитъ предъ нами. О добрые бѣдные люди! Изъ вашихъ молитвъ спле-

тется ему вѣнецъ несравненно лучшій, чѣмъ изъ нашего слабаго слова.

Господь не оставлялъ его милостями и на землѣ. Онъ жилъ въ теплой и благодѣтельной атмосферѣ любящей семьи. Жена, три дочери, близкіе окружали его своею любовью, заботами, ласками и попеченіями. Знавшіе его любили и уважали его. Эта любящая атмосфера, согрѣвавшая его душу, можетъ быть поддерживала и его энергію и силы для неусыпныхъ работъ. Нельзя свѣтить, не сгорая, но въ условіяхъ благопріятныхъ свѣча горитъ долѣе, чѣмъ въ неспокойной атмосферѣ. Господь на пользу многихъ далъ ему эти добрыя условія. А онъ принялъ полученное, чтобы давать какъ можно больше другимъ. И онъ давалъ, онъ сѣялъ и расточалъ, а мы пожинали. Теперь успокоенный отъ долгихъ и великихъ трудовъ онъ уснулъ тихимъ сномъ смерти. Христосъ сказалъ: „кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій“ (Лк. XXII, 26). Но кто же большій? Не тотъ ли прежде всего, кто больше любитъ другихъ, чѣмъ другіе? Такой, смиренно и вѣрно неся свой крестъ, любовно поддержитъ и понесетъ крестъ другаго. Такой больше, чѣмъ другіе, не сестъ тяготы другихъ и тѣмъ является большимъ въ исполненіи закона Христа (ср. Гал. VI, 2). Такимъ былъ онъ, кого мы лишились теперь. Мы не можемъ уже болѣе уплатить добромъ за его добро, посильной работой за его трудъ. Но великое утѣшеніе нашей вѣры состоитъ въ знаніи истины, что и теперь наша благодарность, обращенная къ почившему собрату, не будетъ только пустымъ звукомъ, но облеченная въ форму теплой молитвы объ усопшемъ найдетъ себѣ цѣну въ очахъ Господа. Помолимся о нашемъ многотрудившемся, много любившемъ наставникѣ и товарищѣ, почившемъ рабѣ Іоаннѣ. Аминь!

Р Ъ Ч Ъ

доцента П. В. Тихомирова ¹⁾.

Незабвенный учитель и собратъ!

Оборвалась цѣпь твоей жизни... Оконченъ путь, — пора туда, гдѣ нѣтъ ни будущаго, ни прошлаго: гдѣ нѣтъ ни

¹⁾ Сказана послѣ „Непорочныхъ тропарей“.

ожиданій, ни страстей, ни горькихъ слезъ, ни славы, ни почестей; гдѣ воспоминанье спитъ глубокимъ сномъ... И не нужны тебѣ теперь слова нашей хвалы или сожалѣній. Холодная рука смерти дала тебѣ заглянуть туда, куда не заглядывалъ ни одинъ изъ живущихъ,—приподняла для тебя завѣсу вѣчности. Но не расскажешь ты намъ, что ты узрѣлъ на ея порогѣ; и не разгадать намъ этого теперь по выраженію твоего, исполненнаго нѣмымъ величіемъ, лица,—хотя обыкновенно это подвижное и выразительное лицо было живымъ отраженіемъ твоей души и твоихъ мыслей. И наше послѣднее прощанье съ тобой въ этотъ часъ не будетъ взаимнымъ: на наше сердечное „прости“ ты не отвѣтишь намъ, какъ-бы слѣдовало, „до свиданья“... Не будемъ-же и мы тревожить твой покой нескромными гаданьями о пути, въ который ты идешь,—какъ-бы заставляя говорить само твое молчаніе. Каждому изъ насъ придетъ своя пора, — пробьетъ и нашъ часъ...

Но если здѣсь, у этого гроба, не мѣсто бесплоднымъ сътованіямъ, ненужнымъ для тебя, нашъ дорогой почившій; если справедливо будетъ удержать и естественную пытливость ума, желающаго проникнуть въ таинственный, безотвѣтный мракъ вѣчности: то нѣтъ однако здѣсь ничего, что заставляло-бы умолкнуть нашу любовь къ тебѣ. Любовь не признаетъ смерти, не умираетъ вмѣстѣ съ любимымъ человекомъ,—а всемѣрно стремится сохранить для себя дорогой образъ. И когда, повинувся этой любви, мы будемъ говорить о тебѣ, ты уже не останешься безотвѣтенъ, потому что мы будемъ обращаться не къ твоему безмолвному настоящему состоянію и не къ тому таинственному грядущему, которое стоитъ теперь предъ тобою, а къ твоему прошлому, въ которомъ ты жилъ, къ дѣламъ твоей жизни, въ которыхъ ты живешь и доселѣ. Позволь-же мнѣ, меньшему изъ собратіи твоихъ, вспомнать хоть немного нѣчто, запечатлѣвающее твой образъ въ сердцахъ знавшихъ тебя людей.

Вотъ, слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, я помню себя десятилѣтнимъ мальчикомъ, оторваннымъ отъ родной семьи и отданнымъ въ школу. Въ памяти и разказахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ духовная школа рисуется суровой школой. Западали эти рассказы отчасти и въ мою юную душу и невольно нагоняли на сердце страхъ и холодъ, хотя, впрочемъ,

миѣ и старались внушить, что теперь-де далеко не то. Пусть,—думалъ я,—не то, а всетаки куда какъ было-бы лучше не отрываться отъ родного дома, не стремиться на встрѣчу неизвѣстному и потому страшному будущему! Первый-же школьный день заканчивалъ я слезами,—безпричинными слезами, которыми часто плачутъ новички, не смотря на поддразниванья и смѣхъ старшихъ товарищей-второгодниковъ. Случайно натолкнувшійся на меня смотритель (онъ по вечерамъ обыкновенно обходилъ классы) приподнял ласково меня за подбородокъ и говорить: „да что-жъ это такое? о чемъ мы грустимъ?“ И сейчасъ-же взялъ меня и еще нѣсколько новичковъ къ себѣ въ квартиру, угостил вареньемъ и апельсинами, сыгралъ что-то на рояли и даже спѣлъ. Мы развеселились и, кажется, спали эту ночь безъ *слишкомъ грустныхъ воздыханій о родномъ домѣ*. Въ слѣдующіе дни, по другимъ поводамъ и въ другомъ родѣ, смотритель заявилъ намъ себя такимъ ласковымъ, добрымъ и участливымъ, что въ самое короткое время мы его страшно полюбили; и когда навѣщавшіе насъ домашніе спрашивали, не тоскуемъ-ли мы по родинѣ, мы, въ большинствѣ случаевъ, отвѣчали отрицательно. И этимъ мы были обязаны смотрителю. А съ какимъ участіемъ и какъ подробно онъ входилъ въ наши нужды и интересы! Всякій неудовлетворительный баллъ ученика былъ для него поводомъ для самыхъ разностороннихъ мѣропріятій, начиная съ разспросовъ и самоличнаго выслушиванія уроковъ, продолжая ходатайствомъ предъ учителемъ и оканчивая добродушнымъ выговоромъ и даже сердитымъ распеканіемъ, — за которымъ однако-же прекрасно чувствовалась готовность немедленно простить виновнаго... Прорѣха въ одеждѣ или обуви, неряшливость въ содержаніи рукъ, лица не ускользали отъ его вниманія. Выборъ для насъ подходящаго и занимательнаго чтенія, устройство развлеченій и т. п.—также были предметомъ его заботливости. И при всемъ томъ—постоянная доступность для всякихъ заявленій и просьбъ. Соображая теперь все это, невольно даже недоумѣваешь, гдѣ только онъ находилъ достаточно времени, изворотливости и самообладанія, чтобы поистинѣ всѣмъ быть вся. Этотъ смотритель прямо былъ нашей доброй и любимой нянькой, пѣстуномъ. То былъ Иванъ Николаевичъ.

Когда онъ покидалъ наше Тульское духовное училище для академической службы,—сколько слезъ было пролито всѣми безъ исключенія учениками! А позднѣе, когда намъ пришлось познакомиться съ неизбежнымъ школьнымъ формализмомъ, съ фактами нерѣдко грубаго непониманія нашихъ интересовъ и желаній, мы сначала горько жалѣли своего Ивана Николаевича, а потомъ (это все я ужь, конечно, позднѣе сообразилъ) и сами стали грубѣть и привыкать къ такъ называемой школьной лямкѣ... Сердечное и глубокое спасибо тебѣ, скрасившему *зарю юныхъ дней* не одной сотни школьниковъ!

Прошло немало лѣтъ послѣ моего перваго знакомства съ Иваномъ Николаевичемъ. Я покидалъ среднюю школу и направлялся въ академію съ жаждой просвѣщенія и нескрываемымъ страхомъ, что двери этого разсадника наукъ захлопнутся предъ недостойнымъ искателемъ. Первый-же, кто еще во время пріемныхъ экзаменовъ ободрилъ меня съ земляками, посоветовалъ не волноваться, не переутомляться и т. п., былъ опять И. Н. И всякій, кто испыталъ это нервно-напряженное состояніе за время конкурсныхъ экзаменовъ, пойметъ, какъ дорого здѣсь всякое слово одобренія. Нашъ Тульскій смотритель неизмѣннымъ сохранился и въ академическомъ профессорѣ. Поступивъ въ академію, я еще болѣе убѣдился въ этомъ. Не было такой услуги, въ какой онъ отказалъ-бы студенту. Онъ дѣлалъ, безъ преувеличенія можно сказать, все, о чемъ его просили,—жертвуя своимъ чрезвычайно занятымъ временемъ, знаніями, книгами, деньгами, самолюбіемъ. И никого такъ не осаждали всевозможными просьбами, какъ его. Его услужливость не ограничивалась сферою академическихъ нуждъ студента. Онъ помогалъ намъ помѣщать въ журналы наши первые литературные опыты, писалъ по нашимъ просьбамъ рекомендательныя письма и ходатайства къ епархіальнымъ архіереямъ, хлопоталъ о назначеніяхъ на службу и т. д. И это все дѣлалось не только для близкихъ и хорошо знакомыхъ ему людей, а рѣшительно для всякаго, кому не лѣнь было къ нему обратиться. Но не буду задерживаться на своихъ студенческихъ воспоминаніяхъ: — присутствующіе у этого гроба теперешніе его ученики, вѣроятно, достаточно раскроютъ эту сторону въ личности и дѣятельности покойнаго.

Изъ ученика мнѣ пришлось стать сослуживцемъ покойнаго. Тѣ-же нравственныя черты, только еще яеиѣе, полнѣе и разностороннѣе, раскрылись мнѣ въ немъ и теперь. Меня поражало ни съ чѣмъ несравнимое трудолюбіе И. Н-ча, начинавшаго работать, кажется, съ 4 часовъ утра; поражала меня и его необыкновенная ученая и литературная продуктивность. При такой массѣ кабинетнаго труда представлялась положительно нѣвѣроятной какая—нибудь возможность досуговъ для постороннихъ занятій. Однакожь эти досуги какъ-то находились,—и постороннихъ занятій оказывалось такое огромное множество, что оставалось только безгранично удивляться и недоумѣвать, откуда берется время для всего этого. Но всматриваемся въ характеръ этихъ стороннихъ занятій,—и наше удивленіе и уваженіе къ труду переходитъ въ прямое преклоненіе предъ святостью цѣлей и чистотою мотивовъ труженника. Братство для вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ, братство для помощи бѣднымъ Сергіева Посада, красный крестъ, общество спасенія на водахъ, Филаретовскій пріютъ и т. д. и т. д.,—вотъ учрежденія, въ которыхъ трудился,—мало сказать, что трудился, почти всю работу выносилъ на своихъ плечахъ И. Н. Все это предпріятія чисто благотворительныя, филантропическія, конечно, не доставлявшія покойному ни копейки матеріальной выгоды. Сколько поистинѣ самоотверженной любви! А любовь производитъ любовь.

Другою чрезвычайно замѣтной нравственной чертой покойнаго была его необыкновенная скромность. Солидный ученый, превосходно знавшій богатыя книжныя сокровища академической бібліотеки и охотно дѣлившійся своими знаніями со всякимъ нуждающимся;—авторъ многихъ крупныхъ и весьма цѣнныхъ научныхъ работъ;—спеціально и по первоисточникамъ начитанный во многихъ богословскихъ, и историческихъ вопросахъ: онъ, даже въ сношеніяхъ съ людьми мало свѣдущими, не позволялъ себѣ не только кичливой фразы, но и кичливой мины. О своей учености онъ говорилъ всегда съ такимъ умаленіемъ, что иной недалеконидный челоѣкъ способенъ былъ и уничтожить его въ сердцѣ своемъ. Припоминаются здѣсь также его возраженія на диспутахъ,—всегда солидно обоснованныя и почти всегда неопровержимыя: съ какою однако деликатностью онъ ихъ

ставиль! какъ старался извинить диспутанта и спѣшилъ признать извѣстную долю цѣнности за каждымъ его, даже совсѣмъ нерезоннымъ оправданіемъ! А упомянутые уже его филантропическіе труды,—позволялъ-ли онъ себѣ хоть каплю ими гордиться?—Совсѣмъ напротивъ: онъ всегда говорилъ о нихъ, какъ о пустячкахъ, наполнившихъ междучасія его труда; а о многихъ и совсѣмъ не говорилъ, такъ что мы, думается, знаемъ далеко еще не все. Наконецъ, вообще въ обыденныхъ житейскихъ сношеніяхъ скромность и предупредительность его не знали границъ. Этотъ человѣкъ, если и зналъ себѣ цѣну, то никогда не позволялъ себѣ выставлять ее на видъ и даже съ самоуслажденіемъ думать о ней. Тѣмъ необходимѣе подумать о ней намъ,—всѣмъ знавшимъ покойнаго.

Для меня даже немногія приведенныя черты нравственной личности покойнаго И. Н-ча складываются въ такой симпатичный образъ, который нельзя забыть, а вспоминая, нельзя не любить. Пусть другіе припомнятъ себѣ многое другое, чего я не могъ коснуться въ своемъ краткомъ словѣ. Эти воспоминанія ясно покажутъ намъ, какой безсмертный нравственный итогъ дала сравнительно краткая жизнь И. Н-ча. Онъ скромно, безъ шума и часто незамѣтно сѣялъ разумное, доброе, вѣчное на нивѣ русскаго воспитанія, русскаго науки и русскаго жизни. Скажемъ же ему спасибо сердечное отъ лица родной земли, для которой онъ жилъ и трудился.

Рѣчь студента IV курса Александра Левитскаго ¹⁾.

Дорогой наставникъ! Еще нѣсколько минутъ—и ты, лежащій предъ нами во гробѣ, навсегда оставишь свой домъ. Въ этотъ торжественный для твоей души и печальный для всѣхъ насъ моментъ я не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ о тебѣ. Я къ тебѣ стоялъ ближе многихъ изъ моихъ товарищей и, быть можетъ, добрыя твои стороны зналъ лучше ихъ.

¹⁾ Произнесена предъ выносомъ тѣла почившаго изъ квартиры его въ академическій храмъ.

Конечно, не мнѣ характеризовать личность усопшаго: на это у меня не хватитъ ни силъ, ни умѣнья. Но я лишь вкратцѣ скажу о томъ, какимъ онъ былъ человѣкомъ и почему его смерть такъ сильно огорчаетъ насъ.

Вспомнимъ, что онъ былъ неутомимымъ общественнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ съ добрымъ и любящимъ сердцемъ. Онъ всю жизнь провелъ въ самомъ упорномъ и разнообразномъ трудѣ, не зная ни отдыха, ни бездѣлья. Его нельзя было видѣть безъ дѣла или, лучше сказать, его нигдѣ нельзя было видѣть, гдѣ не находилось бы для него дѣла. Смотря на него, многіе удивлялись, какъ такой слабый организмъ выносилъ столь много труда и заботъ. Онъ былъ постоянно за работою, кончая одно, онъ начиналъ другое, отрываясь отъ ученой работы, брался за провѣрку корректурныхъ листовъ или какихъ-нибудь рукописей. И столь кипучая дѣятельность не ограничивалась его кабинетомъ и академіей, но простиралась далеко за предѣлы ихъ. Какъ человѣка дѣятельнаго, добраго и отзывчиваго къ людскимъ страданіямъ, многія общества избрали его своимъ членомъ, нѣкоторыя и предсѣдателемъ. Большею частію онъ трудился на пользу бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и дѣтей, и поэтому былъ постоянно окруженъ ими. И онъ помогалъ имъ и, глядя на ихъ страданія, самъ съ ними страдалъ, чувствуя себя не въ силахъ сдѣлать ихъ вполне счастливыми. Неся на себѣ ихъ тяжелое бремя, онъ самъ былъ страдальцемъ. Но это бремя для него было пріятно и легко, ибо въ этомъ состояла его жизнь, его радость, его утѣшеніе. Таковъ онъ былъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля.

Но еще выше его образъ, какъ частнаго человѣка. Здѣсь, въ этомъ домѣ, въ кругу своей семьи онъ дѣлалъ все, что подсказывало ему его доброе сердце. Это знали его друзья и знакомые и часто стучались въ дверь его гостепріимнаго дома. Къ нему ходили положительно всѣ и старыя и молодыя, и бѣдныя и богатые,—всѣхъ онъ принималъ съ радостію и всѣмъ служилъ, поскольку могъ. Приходящій къ нему въ горѣ и печали находилъ у него утѣшеніе, больной—духовное облегченіе, неимущій получалъ матеріальную помощь. Никто отъ него не уходилъ неудовлетвореннымъ. Мнѣ самому приходилось обращаться къ нему съ нѣкоторыми невзгодами, и онъ всегда такъ или иначе облегчалъ

ихъ. Не такъ давно я ходилъ къ нему за разъясненіемъ относительно моей курсовой работы, и онъ, уже пригвожденный къ одру, не отказался помочь мнѣ. Да что мнѣ говорить о любви усопшаго къ ближнему? Объ этомъ знаетъ всякій изъ присутствующихъ теперь здѣсь и внутренне благодарить его за это....

Прости же нашъ дорогой наставникъ, нашъ неоцѣненный благодѣтель! Память о тебѣ будетъ жить долго среди насъ и не умретъ вмѣстѣ съ нами. Завтра твой прахъ предадутъ землѣ. Но твой духъ остается съ нами. Ты и сейчасъ здѣсь; слышишь наши молитвы, возносимыя о тебѣ къ Богу, видишь наши печальныя лица. Прими въ сей моментъ отъ насъ благодарность, нашу любовь, нашу печаль, наши вздохи и слезы! Да прости Тебѣ Господь согрѣшенія твои и да вселитъ Онъ тебя въ селеніи праведныхъ. Миръ тебѣ, страдалецъ, миръ тебѣ, другъ человѣчества!

Рѣчь студента III курса Николая Моисеева ¹⁾.

Дорогой Наставникъ!

Вотъ уже другой день, какъ ты безмолвно присутствуешь въ этомъ св. храмѣ благодати..., а по сосѣдству, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, находится другой храмъ, храмъ науки!—И мы немало удивлены, какъ ты, при всей твоей преданности наукѣ, не заглянешь въ знакомыя стѣны: вѣдь ужъ не мало времени ты не былъ въ нихъ!.. Уже-ли ты сталъ холоденъ къ любимой наукѣ послѣ того, какъ она почтила тебя высокимъ титуломъ своего „доктора“?

Ты молчишь....— Но слово Бога отвѣчаетъ: *блаженни мертви, умирающіи о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ* (Апок. XIV, 13)!

Ты молчишь.... Но Сама Церковь намъ говоритъ: *блаженъ путь въ онъже идеши днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія!*

Какъ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ почить отъ трудовъ?—Когда ты могъ быть особенно полезнымъ и наукѣ и обществу, когда признанная за тобой слава долж-

¹⁾ Произнесена во время казизмъ.

на была побуждать тебя къ большимъ трудамъ и большему дѣланію, ты вдругъ рѣшился искать себѣ мѣста упокоенія? *Восплачьте о мнѣ, какъ-бы говоришь ты намъ изъ гроба, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, но внезапно найде на мя страшный часъ смертный!*

Такъ вотъ гдѣ причина безмолвнаго здѣсь пребыванія твоего! Ты прислушиваешься къ тону и звукамъ божественныхъ пѣсней, прославляющихъ Распятаго за насъ и Воскресшаго, ты прощаешься съ своею Матерью, которая тебя родила духовно, просвѣтила свѣтомъ Христа Своего, питала духовно въ теченіи всей твоей земной жизни....., и вотъ теперь ты въ послѣдній разъ своего земнаго пребыванія здѣсь, какъ покорный и нѣжно любящій сынъ, выслушиваешь ея трогательныя материнскія напутствованія!...

Значить, вотъ зачѣмъ находимся съ тобой здѣсь и мы. Рано, дорогой Наставникъ, очень рано собрался ты отъ насъ! Не думали мы такъ скоро провожать тебя. И можно ли было, на самомъ дѣлѣ, предположить, что такъ скоро, такъ рано порвется жизнь, столь нужная и для науки и для общества. Можно ли было предполагать все это, когда еще такъ недавно мы видѣли твою радость, очень понятную при полученіи награды, вѣнчающей твой дорогой и многодневный трудъ. Могли ли думать мы, собиравшіеся подъ твою гостепріимный кровъ раздѣлить съ тобою эту радость,—могли ли думать, что едва минетъ годъ, и мы снова соберемся вокругъ тебя, но не радоваться съ тобой, а созерцать только тебя въ гробу,—не съ пожеланіемъ тебѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ жизни, а чтобы дать тебѣ послѣднее христіанское цѣлованіе и затѣмъ разлучиться до возможной встрѣчи уже въ обителяхъ Небснаго Отца!...

Прими же, нашъ добрый Наставникъ, нашу горячую благодарность за то добро, какимъ постоянно и щедро были проникнуты твои отношенія ко всеѣмъ. Прими нашу благодарность за то тепло, съ какимъ всегда встрѣчалъ ты обращающихся къ тебѣ. Всякій знаетъ, какъ иногда бываетъ дорого и важно, хотя бы одно, только одно теплое слово участія!... Тѣ лучи добра и ласки, какими постоянно свѣтило твое сердце, навсегда отпечатались въ нашихъ душахъ!...

Прими нашу благодарность, великій труженникъ, и за

твое честное и самоотверженное отношеніе къ наукѣ, которой ты отдавалъ всѣ свои силы. Не тебя ли раннее утро заставляло уже за обычной работой и только поздній вечеръ укладывалъ въ постель? Прими, дорогой и добрый наставникъ и другъ, этотъ послѣдній долгъ тебѣ! Черезъ нѣсколько минутъ мы совсѣмъ тебя проводимъ въ дальній путь, но у насъ, въ нашихъ, сердцахъ, прочно сохранится твой чудный образъ—образъ честнаго дѣлателя и сердечнаго человека!

Рѣчь студента IV курса Георгія Любожудрова ¹⁾.

Дорогой наставникъ, принесшій на алтарь науки всѣ свои силы, все свое здоровье, всего самого себя! Мы знаемъ, что этотъ даръ не малъ, что онъ горѣлъ не слабымъ пламенемъ свѣчи въ темной кельи, но яркимъ свѣтомъ путеводной звѣзды, показывавшей истинный путь многимъ питомцамъ науки. Наука безкорыстна, но отъ тебя потребовала великой жертвы!

Дорогой наставникъ! мнѣ думается, что ты и жизнь цѣнилъ не меньше науки, что твоя дѣятельность здѣсь еще дороже и цѣннѣе для насъ. Жизнь представляетъ изъ себя цѣпь людскихъ отношеній, но какъ часто звенья этой цѣпи распадаются! Люди рѣдко видятъ другъ въ другѣ друзей и объ уступкахъ другъ другу мало думаютъ. Часто и очень часто нуженъ для людей человекъ, который бы такъ или иначе устроялъ ихъ отношенія, примирялъ и соединялъ ихъ руки.

И ты былъ такимъ человекомъ! Въ трудныя минуты жизни, когда требовалось посредничество, студенты обращались къ твоему покровительству и всегда находили отеческую помощь и заступничество. Да! ты обладалъ всеми качествами духа, чтобы быть примиряющимъ дѣятелемъ между людьми различныхъ характеровъ. Твоя гуманность и вѣжливость въ обращеніи съ другими не знала предѣловъ; твоя услужливость проявлялась во всякое время и ты не рѣшался сказать даже подчиненному: „придите завтра“. Твое трудолю-

¹⁾ Произнесена во время каэизмъ.

біе извѣстно было многимъ, и очень многіе имъ злоупотребляли. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ тебѣ приносили увѣсистыя рукошени для просмотра и поправки. Ахъ, говорилъ ты мнѣ, это только на словахъ просмотръ, а, по правдѣ сказать, очень часто приходится не поправлять эти рукошени, а переписывать заново. И не смотря на это, ты, даже будучи боленъ, брать и передѣлывалъ ихъ. Какое самоотверженіе! какое пламенное желаніе помочь другому даже съ ущербомъ для себя! Приходилось тебѣ за кропотливымъ трудомъ проводить почти безсонныя ночи и днемъ не знать отдыха. Случалось тебѣ принимать просителя за просителемъ и всѣхъ удовлетворять; случалось въ одинъ и тотъ же день совмѣщать свои занятія въ различныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ ты состоялъ благотворителемъ, попечителемъ и учителемъ.

Твоя щедрость извѣстна не только въ посадѣ, но и въ другихъ городахъ. И сколько слезъ, горючихъ слезъ ты отеръ бѣднымъ страдальцамъ всѣхъ званій! Сколько горестей утोलить, сколько нуждъ уничтожилъ и у своей меньшей братіи—студентовъ,—это одному Богу извѣстно. Жизнь твоя трудовая, жизнь твоя благотворительная не прекратилась. Да конца ея ты сохранилъ святую вѣру въ идеалъ, и юношескій пылъ не оставлялъ тебя даже при послѣднемъ отблескѣ жизни.

Жизненная борьба закалила твой духъ; ты окрылилъ его. И мы вѣримъ, что онъ теперь, какъ мощный орелъ, улетитъ въ лучезарныя селенія Божьихъ сыновъ и тамъ, предъ престоломъ Господнимъ, насладится небеснымъ весельемъ. Духъ улетитъ, а тѣло твое погребутъ,.... Погребутъ его сыны науки, какъ драгоценныя останки любимаго ими человѣка. Засыплютъ его хладной землей и изъ чистыхъ сердца слезъ они слетутъ ему вѣнокъ.

Наставникъ! Предъ тобою молодое поколѣнье! Унесемъ мы въ жизнь дорогую память о тебѣ; твой образъ, какъ искра, будетъ теплиться въ сердцахъ нашихъ, ибо каждый увѣренъ, что на свѣтѣ все лучшее создается такими людьми, какъ ты.

Рѣчь студента IV курса Алексѣя Малинина ¹⁾.

„Земля еси и въ землю отыдещи“,—вотъ неизбежный законъ земнаго существованія всего человѣчества и естественный конецъ жизни каждаго изъ насъ. И ты, дорогой учитель, сталъ жертвой этого неумолимаго опредѣленія Божіей Правды! Мы видимъ твою бrenную храмину, но тебя уже нѣтъ съ нами: здѣсь только персть твоя, которая могильнымъ тѣніемъ скоро будетъ превращена въ прахъ.

Зачѣмъ-же, братіе, это благолѣпіе церковное, эти торжественныя Богослужебныя гимны, эти лавры, вѣнчающіе чело умершаго? Зачѣмъ это прославленіе почившаго, котораго онъ избѣгалъ при жизни и котораго теперь онъ уже не слышитъ? Все это необходимо для насъ. Молчаливый гробъ сей поучаетъ насъ краснорѣчивѣе всякаго проповѣднаго слова. Посмотрите на изможденныя предсмертными страданіями черты лица почившаго. Развѣ мало онъ говорятъ совѣсти каждаго изъ насъ? Какъ поучительны эти останки усопшаго, жизнь котораго была непрерывнымъ подвигомъ и постоянной жертвой своему служенію!

Трудъ упорный и непрерывный, безъ всякихъ послабленій и уступокъ естественнымъ немощамъ, безъ всякихъ корыстныхъ надеждъ и цѣлей, трудъ для самого труда,—вотъ заповѣдь, которой жилъ покойный и соблюденіе которой онъ завѣщалъ намъ. Кто хорошо зналъ частную жизнь покойнаго, тому извѣстно, какъ не любилъ онъ праздности. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ часъ, ни одна минута жизни его не принадлежали ему; вся его жизнь была посвящена дѣлу. Трудъ былъ его стихіей: „жить“ для него значило „трудиться“.

Къ несчастью отъ природы болѣзненное тѣло его не могло вмѣстить его всегда дѣятельнаго могучаго духа. Сгорая въ священномъ пламени любви къ людямъ, онъ, какъ свѣча, таялъ на нашихъ глазахъ. Онъ сознавалъ, что его дни уже сочтены, онъ чувствовалъ на себѣ дыханіе смерти, онъ видѣлъ разверзающуюся предъ собой могилу и однако онъ не щадилъ себя; онъ спѣшилъ завершить неоконченное, онъ предпринималъ новыя начинанія, и за усиленными за-

¹⁾ Произнесена послѣ 3-й пѣсни канона.

нятиями застала его смерть. Изсякъ священный елей и погасъ свѣтильникъ!

Блаженна твоя кончина, подвижникъ и мученикъ науки! Непродолжительна, но плодотворна была твоя жизнь. Ты мало жилъ, но ты „много возлюбилъ“. Всю свою жизнь ты посвятилъ общему благу, и исторія не забудетъ этой великой жертвы. Мы преклоняемся предъ гениями, на цѣльныя столѣтія опередившими свое время: мы благоговѣемъ предъ великими вождями человѣчества, за которыми шли народы; мы удивляемся славнымъ общественнымъ дѣятелямъ, которые своею единичною силою направляли историческій потокъ по новымъ русламъ; но мы никого не знаемъ выше того, кто „душу свою положитъ за други своя“.

Не плачьте и не рыдайте надъ нимъ! Смерть для него не есть уничтоженіе; она не вноситъ ничего новаго въ его жизнь. И въ теченіе своего земнаго существованія онъ не жилъ для себя, но для другихъ и въ другихъ, и послѣ смерти онъ всегда будетъ жить въ сердцахъ облагодѣтельствованныхъ имъ людей.

Р Ъ Ч Ъ

студента I курса іеродіакона Діонисія Маранкудакиса. ¹⁾

„Χαίρειν μετὰ χαϊρόντων καὶ κλαίειν μετὰ κλαιόντων“ (Ром. 12. 15).

Τοὺς θεῖους τοῦτους λόγους, Θεοφιλέστατε Δέσποτα, καὶ λοιπὴ πένθιμος ὀμίγηρις, τοὺς θεῖους τοῦτους λόγους ἔγραφεν ἄλλοτε ὁ οὐρανοβάμων ἀπόστολος Παῦλος τοῖς Ῥωμαίοις προτρέπων αὐτοὺς πρὸς τοῖς ἄλλοις νὰ συμμερίζωνται τὴν χαρὰν τῶν χαϊρόντων καὶ τὴν λύπην τῶν κλαιόντων. Τοῖς λόγοις τοῦτοις ὡς ἐντολῇ ἐπόμενοι καὶ ἡμεῖς οἱ ἐκ διαφόρων ἐλληνικῶν χωρῶν εὐάριθμοι νέοι ἐν τῇ περιφημῷ ταύτῃ Ἀκαδημίᾳ τῆς Μόσχας μαθητεύοντες, συμπερνοῦμεν ὑμῖν, κλαίομεν κατ' ἀνθρώπον μεθ' ὑμῶν καὶ δάκρυα λύπης ἀναμιγνύομεν μετὰ τῶν δακρῶν ὑμῶν ἐπὶ τῇ προόρῳ καὶ ἀλγεινῷ θανάτῳ τοῦ πολυκλαύστου διδασκάλου ἡμῶν Ἰωάννου. Ἐθεωρήσαμεν δὲ καθήκον ἡμῶν ἱερώτατον, τὴν λύπην ἡμῶν ταύ-

¹⁾ Произнесена послѣ 6-й пѣсни канона.

τις γὰ ἐκφράσωμεν καὶ διὰ συντόμου λόγου καὶ μάλιστα ἐν τῇ ἑλληνικῇ γλώσσῃ, ἐν τῇ γλώσσῃ δηλ. ἐκείτῃ, ἣν τόσον ἡγάπα, ἐδί-
 δασκε καὶ ἔπερ ἤς πολὺ ἐν τῷ βίῳ αὐτοῦ ἐμόχθησεν ὁ ἀγαπητός
 διδάσκαλος ἡμῶν. Τὴν ἐκπλήρωσιν δὲ τοῦ κοινοῦ τούτου καθήσο-
 τοι, ὁμοφώνως ἀπατεθεῖσάν μοι ἐπὶ τῶν φίλων πατριωτῶν καὶ
 συμφοιτητῶν μου, ἀναλαβὼν, ἠμολογῶ, ὅτι δὲν δύναμαι νὰ δικαι-
 ῶσω ἰὰς ἀπαιτήσεις αὐτῶν. Οὐχ ἦττον πεποιθὼς εἰς τὴν θείαν
 ἀντίληψιν, μὴ δυνάμενος δὲ καὶ νὰ ἀποφύγω τὴν εὐγενῆ αἴτησιν
 αὐτῶν, προβαίνω εἰς τὸ ἔργον πλέκων συγχρόνως τὸν πρέποντα
 τῷ διδασκάλῳ ἡμῶν στέφανον.

Ἀλλὰ πόθεν νὰ ἀρχίσω; Ποίαν ἐκ τῶν πολλῶν ἀρετῶν αὐτοῦ νὰ
 ἐγκωμιάσω πρῶτον καὶ ποίαν δεύτερον; Ποῦ νὰ εἶρω τὰ ἀμάραντα
 ἔνθη καὶ τοὺς πολυτίμους ἀδάμαντας δι' ὧν θὰ κοσμήσω τὸν στέ-
 φανον τούτον; Ὅμως, τί λέγω; Ἀνάγκη πρέπει νὰ ἀπορῶ καὶ νὰ
 λυπῶμαι ἐπὶ τῇ ἐλλείψει τοιούτων; Ὡ! οὐδόλωσ, διότι μεγίστην
 ἀφθονίαν τοιούτων ἔχω. Καὶ δὴ ἀφ' ἐνὸς τὴν εὐσέβειαν, ἀφ' ἐπί-
 ρου τὴν ἀγάπην, τὴν φιλοποιίαν, τὴν ἀνταπαρηγησίαν, τὴν ὀλόφυ-
 χον ἀφοσίωσιν εἰς τὸ ἀπατεθεῖν αὐτῷ καθήκον. Πρὸς δὲ τὴν τῆ-
 ψυχῆς ἀγαθότητα, τὴν ταπεινοφροσύνην, τὴν τιμότητα, τὴν χρη-
 σιότητα, τὴν πρὸς τοὺς πάσχοντας συμπάθειαν, τὴν ἐλεημοσύνην,
 τὸ μελλίχιον, τὸ προσηγές, τὸ χάριεν καὶ τὸ πρῶον. Ἐκάστης τῶν
 ἀρετῶν τούτων τρανὰ μαρτύρια πρόκειται ἡμῖν ἀπὸ τὰ πράγματα.
 Ἔτινα μεγαλοφώνως μαρτυροῦσι μονοουχὶ φωνῆν ἀγίαντα. Ἰδίῳι
 ὄμμασιν ἐβλέπομεν αὐτὸν πάντες οἱ περικυκλοῦντές τὴν σορὸν αὐ-
 τοῦ, φοιτῶντα τακτικῶς εἰς τὸν προσκυλῆ αὐτῷ οἶκον τούτον τοῦ
 Θεοῦ καὶ μετὰ κατανήξεως καὶ συντετριμμένης καρδίας προσευχόμε-
 νον. Ἐπρατε δὲ τοῦτο πεποιθὼς, ὅτι „ἡ εὐσέβειαι πρὸς πάντι
 ὠφέλιμός ἐστιν, ἐπαγγελίαν ἔχουσα ζωῆς τῆς νῦν καὶ τῆς μελλού-
 σης“ (1 Τιμ. 4, 8) καὶ ὅτι ἡ διὰ τῆς ἀναιμιάκτου θυσίας τοῦ σώ-
 ματος καὶ αἵματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐφ' ἡμᾶς τοὺς
 πιστοὺς κατερχομένη θεία χάρις ἀγιάζει ἡμᾶς καὶ συνεργεῖ ἡμῖν εἰς
 πᾶν ἔργον ἀγαθόν. Μεγάλην στέρησιν, μεγάλην διστυχίαν ἐθεώρει
 τὴν δι' ἀπόλυτον ἀνάγκην μὴ συμμετοχῆν αὐτοῦ εἰς τὴν κοινὴν ἐν
 τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ προσευχῆν κατὰ τὴν θείαν λειτουργίαν καὶ
 πᾶσαν ἄλλην ἱερὰν τελετήν.

Ἠγάπα τοὺς πάντας καὶ ἐπὶ πάντων ἡγαπᾶτο. Πάντας προση-
 γόρει μετὰ τοῦ μειδιάματος ἐπὶ τῶν χειλέων. Τοῖς πᾶσιν προσε-
 φέριτο μεθ' ἰλαρότητος καὶ γλυκύτητος. Τοῦτο πάντες καθηγῆται
 καὶ φοιτηταί, ἀρχαῖοι καὶ νεώτεροι, ἰθαγενεῖς καὶ ξένοι, δύνανται
 νὰ μαρτυρήσωσι, διότι πάντες ἐγνώρισαν αὐτὸν καὶ πλείστοι ἐκ τοῦ

σύνεγγος μετ' αὐτοῦ ἐσχετίσθησαν.—Τί δὲ νῦν εἶπω περὶ τῆς φιλοπονίας; Ἀβη, ἓν καὶ δὲν ὑπερβαίνει τοῦλάχιστον, συμβαδίζει ταῖς προλαβοῦσαι. Καὶ ταύτης μίσητρας ἔχομεν τὰ σοφὰ συγγράμματα καὶ τὰς πολυχροΐμους περὶ διαφορῶν ἐπιστημονικῶν ζητημάτων πραγματείας, τὰ προϊόντα τῆς διανοίας καὶ τῶν ἀτρεῶτων μόχθων καὶ κόπων, τὰ πνευματικὰ ἔκγονα τοῦ σεβαστοῦ διδασκάλου ἡμῶν Ἰπ' ἀκράτου φιλοπονίας καὶ ἀγάπης πρὸς τὰ ἀθάνατα ἔργα τῶν ἐνδόξων προγόνων ἡμῶν κινούμενος, ἐκ νεαρᾶς ἡλικίας ἐνετρώθη ἐν αὐτοῖς καὶ καθ' ἐκάστην ὥς μὲν ἀχωρίστων συντρόφων μετ' αὐτῶν συνδιελέγετο. Τὸν κύκλον, οὕτως εἰπεῖν, τῶν πνευματικῶν συνδαιτυμόνων αὐτοῦ ἀπετέλουν ἕπαντες οἱ Ἕλληνες συγγραφεῖς πεζοὶ τε καὶ ποιηταὶ τῆς τε θύραθεν καὶ τῆς ἔσω παιδείας: Πλάτων, Ἀριστοτέλης, Θουκυδίδης, Δημοσθένης, Ἰσοκράτης, Ὀμηρος, Σοφοκλῆς, Μισχύλος, Εὐριπίδης, Βασίλειος, Γρηγόριος καὶ Χρυσόστομος καὶ πάντες οἱ δευτερεύοντες ἐξ αὐτῶν. Ἐγκύπτων εἰς αὐτοὺς νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἦνται ἐκ τοῦ ἀνεξαντλήτου θησαυροῦ τῶν πλουσίων ταμείων αὐτῶν δι' ὧν καθήρδενε τὴν ἰδίαν ψυχὴν καὶ τῶν φιλομαθῶν νεαρῶν σπουδαστῶν, ὧν χειραγωγὸς καὶ μύστης εἰς τὰ ἄνθη τῶν Ἑλλήνων συγγραφέων λίαν ἐπιτυχῶς εἶχε ταχθῆ. Τόσον δ' εἶχεν ἐξοικειωθῆ πρὸς αὐτοὺς, τόσον εἰσέδυνεν εἰς τὸ βάθος τῶν νοημάτων αὐτῶν, ὥστε διήγειρε τὸν θαυμασμὸν καὶ τὸν δίκαιον ἐπαινον παντὸς ἀκούσαντος τὴν μελιχρὸν αὐτοῦ φωνήν, τὴν μεταδιδούσαν τὰ βαθέα ἐκεῖνα νοήματα καὶ ἐναυλον εἰδέει ἀντηχοῦσαι εἰς τὰς ἀκοὰς ἡμῶν. Ὅσον δ' ἀφορᾷ εἰς τοῦτο συνηγόρου: ἔχω πάντα τοὺς ἐπ' αὐτοῦ διδαχθέντας, ὧν τινες περιβεβλημένοι ἤδη τῶν καθηγητικῶν τρίβωνα διδάσκουσιν ἡμᾶς καὶ ἀφθόως ποτίζουσιν τὰ τῆς θεολογίας καὶ φιλοσοφίας νήματα.—Τί δὲ νῦν εἶπω περὶ τῆς αἰτοθυΐας, τῆς αὐταπαρησίας, τῆς εἰς τὸ καθήκον ὀλοφύχου ἀφοσιώσεως; Ἀβη τῇ ἀληθείᾳ ἦτο παραδειγματική. Ἡ ἰδέα τοῦ καθήκοντος καὶ ἡ ἐκπλήρωσις αὐτοῦ τόσον καλῶς εἶχε κατανοηθῆ ἐπ' αὐτοῦ, τόσον βαθέως εἶχε ῥιζωθῆ ἐν τῇ ψυχῇ αὐτοῦ, ὥστε ἀπετέλει τὸ λατρευτὸν ἰδανικόνιον, τὸν πολιτὸν ἀστέρα πρὸς ὃν ἔτεινε πᾶσι ἡ καρποφόρος δοῦσις του. Εἶχεν ἐμπλασθὴ κατὰ τὸν θεῖον Παῦλον „ταῖς τοῦ βίου πραγματείας“ (Β' Τιμ. 2, 4), ἢ ἄλλ' ὅμως ἄδύνατον νῦν εἶπωμεν, ὅτι ὀλοτελῶς ἀπεφόρατο ἐπ' αὐτῶν. Ἦτο πατήρ, καὶ καλὸς πατὴρ οικογενεῖας, ἀλλ' ἐξ ἴσου ἢ καὶ περισσότερον ἦτο καὶ θεράπων τῶν μουσῶν, εὐλακρῆς μύστης τῆς ἐπιστήμης καὶ πιστὸς ἐργάτης τῶν γραμμάτων. Αἱ αὐτὰ οὐδενὸς καὶ ἀέτης ἐκόμη τῆς ζωῆς του δὲν ἐφείδετο. Οὐδὲν ἠδύνατο νῦν τὸν αἰτομακρότην ἅπ' αὐτῶν. „Προσίζετο τὸν καλὸν ἄρθρα“ (Β' Τιμ.

4, 7) καὶ ἠγωνίζετο ψυχὴν τε καὶ σώματι ἀξίως τῆς κλήσεως αὐτοῦ. ἠγωνίσθη θαυμάλιως καὶ ἔπραξε περισσότερα ἢ ὅσα ἐπέτρεπεν ὁ ἐπὶ τοῦ Θεοῦ θαθεὶς αὐτῷ βραχυχρόνιος βίος. Ὁ ἀγὼν θὰ ἐξηκολούθει καὶ ὁ γενναῖος ἠγωνιστὴς ἦτο ἔτοιμος, πρόθυμος εἰς πάντα. Ἀλλὰ κατὰ τὴν ἀνεξιχνίαστον βουλήν τοῦ Ὑψίστου „τοῦ ζῶντος καὶ νεκρῶν κυριεύοντος“ ὁ ἀγὼν ἔπαυσε καὶ ὁ ἀγωνιστὴς ἐκλήθη ὑπ' Αὐτοῦ ἐκ τῆς προσχαίρου καὶ ματαίας ταύτης ζωῆς εἰς τὴν οὐράνιον, αἰώνιον καὶ ἀφθαρτον. ἔνθα θὰ στέφη αὐτὸν μὲ τὸν ἀμωραντιῶν τῆς δόξης στέφανον.

Τοιαῦται, Θεοφιλέστατε Δέσποτα, καὶ λοιπὴ πένθημος οὐμύρησι, τοιαῦται ἐν συκωρασίῃ αἱ ἀρεταὶ αἱ περιζωμοῦσαι τὴν μακαρίαν ψυχὴν τοῦ ἐγ' ἡμῶν σήμερον κηθενομένου διδασκάλου ἡμῶν, ἕξ ἀδυνατῶ ἐπαξίως τὰ ἐξυμνήσω.

Νῦν δὲ στρέφων τὸν λόγον πρὸς σέ, πολὺκλειστε διδάσκαλε ἡμῶν, ἐκφράζω σοι τὴν ἐγκάρδιον εὐγνωμοσύνην πάντων τῶν ἐνταῦθα μαθητευσάτων καὶ μαθητευόντων ἐλλήνων παρώπιον τε καὶ ἀπόντων διὰ τοὺς ἀνότους μύχθους καὶ κόπους, τοὺς ἐπὶ σοῦ καταβληθέντας πρὸς καλλιέργειαν τῆς μαρτυρικῆς γλώσσης ἡμῶν ἐν τῇ τροφῇ ἡμῶν Ἀκαδημίᾳ. Δέχθητι τὸν ἐλάχιστον τοῦτον φόρον, ὃν σοι ἀποτίνομεν καὶ διὰ τῆς ἰδιαιότητος ἀγάπης, ἣν ἔτρεφες πρὸς ἡμᾶς καὶ πρὸς πάντας. Δέχθητι τὰς εὐχαριστίας ἡμῶν, ἃς σοι ἐκφράζομεν κατὰ τὴν τελευταίαν καὶ φοβερὰν πύετην στιγμήν τοῦ χωρισμοῦ, τοῦ τελευταίου ἀσπασμοῦ.

Προσφρονῶν δέ σοι τῇ ἐγαπητῇ διδασκαλίᾳ ἡμῶν τὸ ἕσχατον καὶ αἰώνιον Χαῖρε καὶ καθήκον χριστιανικῶν ἐπιτελῶν. Θερμῶς δέομαι τοῦ Παναγάρχου Θεοῦ ἡμῶν, ὅπως τῆν μὲν μακαρίαν ψυχὴν σου ἀναπαύσῃ ἐν τοῖς κόλποις τοῦ Ἀβραάμ, τὴν δὲ περθοῦσαν οἰζογέτειαν σου παραμυθίσῃται ἐπιπέων εἰς τὰς βουναλογοῦσας καρδίας τῶν μελῶν αὐτῆς τὸ γλακὸν τῆς παρηγορίας βάλσαμον. Γένοιτο!

Ταῦτα ἔχοις ἐλαφρὰν, ἀειμνηστε διδάσκαλε ἡμῶν Ἰωάννη!

Ἰεροδιάκονος Ἀποστόλος (Μαργαριτοδάκης).

Рѣчь студента IV курса Семена Бондаря.

Ἀγαπητὲ ἡμῶν διδάσκαλε!

Ἐλίθειπον καὶ ἐμοί, ἵνα σοι εἴπω τὸ τελευταῖον „χαῖρε“ ἐν ἡ γλώσσῃ ἐκείνῃ, ἣν μετὰ ζήλου ἐδίδασκες ἡμᾶς καθ' ὅλον τὸν ἐπὶ γῆς βίον σου, ἣν δε καὶ οὐμίλων καὶ ἔγραγον οἱ ἀρχαῖοι σοφοὶ καὶ οἱ

διδάσκαλοι τῆς ἐκκλησίας Βασίλειος ὁ Μέγας, Γρηγόριος ὁ Θεόλογος, Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος καὶ οἱ λοιποί.

Τίς δώσει κεφαλή μου ἕδωρ καὶ ὄφθαλμοὺς μου πηλὴν δακρύων. καὶ κλαῖσθαι τὸν λαὸν μου—οὕτως εἶπε μακάριος ὁ προφήτης Ἰερεμίας θρητῶν τὸν λαὸν αὐτοῦ Ἰσραὴλ (Ἰερ. ΙΧ, Ι). Οὕτως δε κλαίει σήμερον καὶ ἡ πνευματικὴ τροφὸς ἡμῶν Ἰακαδεμία, συνοδείουσα σε, ἀγαπητέ ἡμῶν διδάσκαλε, μέχρι τοῦ τάφου, ὡς σιεραθεῖσα προσφιλοῦς αὐτῆς εἶναι. Τί δε εἶπω εἰς τὴν μαρτυροῦσαν, ὅταν βλέπω, ὅτι ὁ θάνατος ἐλλεῖσι τὸ σίωμα σοῦ: Οὐ δύναται γὰρ ὁ ἐμὸς ἀσθενὴς λόγος ἐκφράσαι τὸ μέγα μυστήριον τοῦ θανάτου, ὃν ἐπέβαλεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀνθρώποις διὰ τὴν ἁμαρτίαν τῶν προλαύσων ἡμῶν, οὐδέ δύναται ὁ ἐμὸς λόγος λαλεῖν τὸ ἀκρόστιον μυστήριον τῆς ἀναστάσεως καὶ τῆς αἰωνίου ζωῆς, ἣν ἔδωκεν ἡμῖν ὁ ἔσχατος Ἰδὴμ Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν. Τί δε εἶπω: Ἄρα δύναμαι εἰλεῖν ἐλαξίως περὶ τῆς σοφῆς δρασεως σου ἐν τῇ ἐπιστήμῃ, ἃς οὐ περὶ ταύτης γνωρίζουσι κάλλιον ἐμου παριστάμενοι ἐν ταῦθα οἱ ἄνδρες σοφοὶ καὶ ἐπιστήμονες: Ἄρα δύναμαι εἰλεῖν ἐλαξίως περὶ τῶν σῶν ἀρετῶν καὶ περὶ τῆς σῆς ἀγάπης πρὸς τὸν πλησίον, ἃς οὐ καὶ περὶ τοῦτων γνωρίζουσι πάντες ἰδίᾳ δε οἱ ἐξ τοῦ σίνεργου σχετισθέντες μετὰ σου καὶ ἐκεῖνοι, οἷς ἐβοήθη: διὰ τῶν ἐλεημοσύνων σου: Καὶ πόσα δάκρυα χέουσι γῆν ἐπὶ τῷ θανάτῳ σου οἱ πτωχοὶ καὶ οἱ ἔνδοξοι: πόσας δέησεις ἀναπέμπουσι τῷ Υψίστῳ περὶ ἀναλαύσεως τῆς μακαρίας ψυχῆς σου: τί δε εἶπω σοι, ὅταν μετὰ πεποιθήσεως γνωρίζω, ὅτι οὐ συνδιαλέγεται ἅπαρτι μετὰ τῶν ἀσωμάτων δυνάμεων, ὅτι σὺ βλέπεις γῆν ἢ ὄφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἴκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, ἃ ἠτοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαλῶσιν αὐτῶν" (2 Κορ. ΙΙ, 9). Τί δε εἶπω μετὰ πάντα ταῦτα: Ἄρα κλαῖσθαι: ἀλλὰ πῶς κλαῖσθαι, ὅταν μετὰ πεποιθήσεως γνωρίζω, ὅτι ἡ ψυχὴ σου μετέβη εἰς τὰς αἰωνίας μονάς, ἐνθα οὐκ ἔστι πόνος, οὐδὲ λύπη, οὐδὲ σιναγμὸς ἀλλὰ ζωὴ ἀτελείητος. „Μακάριοι γὰρ—λέγει ὁ Θεὸς Ἰωάννης — οἱ νεκροὶ οἱ ἐν Κυρίῳ ἀποθνήσκοντες. Ναί, λέγει τὸ Πνεῦμα, ἵνα ἀναπαύσονται ἐκ τῶν κόπων αὐτῶν" (Ἀποκ. ΧΙΥ, 13). Ἀληθῶς πολυκαθῆς καὶ πολέμοτος ἦν ἡ σὴ ζωὴ ἐπὶ γῆς: μεγάλη δε ἡ μαρτυροῦσα ἡμῶν ἐστι, ὅτι σὺ ἀπέρχεαι εἰς τὸν τόπον τῆς ἀθανάσιας καὶ τῆς μακαριότητος, εἰς τὴν οὐράνιον πόλιν, ἵνα παραστής τῷ μακαριότητι Δεσπότη πάντων τῷ περιεκυλισμένῳ ἐπὶ τῶν ἀγγέλων καὶ τῶν ἁγίων καὶ ἐκεῖ ἀναλαύσῃς ἐκ τῶν κόπων σου.

„Ἔντε πρὸς μέ πάντες—λέγει Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν—οἱ κοπιῶντες καὶ πεφορτισμένοι, γὰρ ἀναλαύσω ὑμᾶς ἄρατε τὸν ζῆγόν μου ἐφ' ὑμᾶς καὶ μάθετε ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι πρῶτος ἐμὴ καὶ ταπεινὸς τῆ

καρδίᾳ καὶ εἰρήσεται ἀνάπαυσιν ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν“ (Ματθ. ΧΙ, 28—29). Καὶ ἀληθῶς μετὰ ταπεινότητος προσήλθες πρὸς Κύριον, καὶ ἤρας τὸν ζυγὸν αὐτοῦ, καὶ ἐμόχθησας διὰ τὸν Θεόν, ἔφερες δε τὸν σταυρὸν σου. Καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν δώσει σοι τὸν στέφανον βελτίονα, ἢ ἄσθενης λόγος ἐμοῦ.... Χαῖρε, χαῖρε ὦ ἀγαθὲ διδάσκαλε ἡμῶν! Ἡμεῖς δὲ πλήρεις ἀγάπης πρὸς σε δεόμεθα τοῦ Ὑψίστου, ὅπως ἀναπαύσῃ τὴν ψυχὴν σου ἐν τόπῳ φρονηῶ, ἐν τόπῳ χλοερῶ, ἐν τόπῳ ἀναπαύσεως. Ἀμήν.

Ὁ φοιτητῆς ἐκ τετάρτου κοίρου Συμεῶν ὁ τοῦ Δημητρίου Βόνδαρ.

Рѣчь студента II-го курса Николая Остроумова ¹⁾.

Дорогой наставникъ! Давно уже ты покинулъ насъ и нашу родную Академію. Вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ твоя болѣзнь отдѣлила тебя отъ насъ и нашей Академической семьи. Мы ждали, когда пройдетъ твой недугъ, ждали, когда ты, наконецъ, снова появишься [среди насъ, снова будешь читать намъ лекціи такъ-же, какъ и прежде, думали, что ты снова съ такимъ-же свѣтлымъ и здоровымъ взоромъ вступишь въ двери аудиторіи. Но, увы!..... Тщетны наши думы, напрасны надежды и ожиданія! Не тамъ мы тебя встрѣчаемъ, гдѣ думали, не такимъ мы тебя видимъ, какимъ желали. Встрѣчаемъ тебя не въ аудиторіи, а здѣсь въ нашемъ храмѣ, не живымъ и полнымъ силъ мы тебя видимъ, а уже мертвымъ, съ потухшимъ взоромъ и съ сомкнутыми устами. Вотъ ты лежишь теперь предъ нами безгласенъ. Не слышны твои болѣе рѣчи, твои бесѣды съ нами, совѣты и наставленія, которые ты давалъ намъ прежде и которыми мы такъ часто пользовались. Что-же намъ теперь говорить, когда ты молчишь?.... — Грустныя мысли, тяжелое чувство переживаемъ мы въ снѣ минуты, хорошо зная; что скоро и совсѣмъ не увидимъ тебя, зная, что еще — немного, и тѣло твое, лежащее передъ нами, унесутъ и опустятъ въ землю. Такъ еще надъ однимъ изъ смертныхъ свершится непреложный приговоръ Господа: „земля еси и

¹⁾ Произнесена на отпѣваніи предъ чтеніемъ Евангелія.

въ землю отъидеши“..... Какъ намъ не скорбѣть!—Если Христось скорбѣть объ умершемъ другѣ своемъ Лазарѣ, то какъ не скорбѣть намъ, когда мы въ лицѣ усопшаго лишились не только наставника и руководителя, но и друга. Поистинѣ такимъ былъ усопшій. Кто не знаетъ изъ насъ его любящаго сердца, которое всегда отзывалось на всѣ нужды и запросы каждаго? Онъ готовъ былъ всегда, когда нужно, подать совѣтъ и прійти на помощь. Это былъ незамѣнимый руководитель въ нашихъ студенческихъ занятіяхъ. Это былъ неутомимый служитель науки и своего дѣла, которое было для него наслажденіемъ. Испытывая великое наслажденіе отъ знанія, онъ готовъ былъ всегда подѣлиться имъ и съ другими. Онъ не превозносился своими знаніями и ученостью, какъ превозносятся иногда кичливая ученость и знаніе нашего вѣка. Будучи однимъ изъ старшихъ профессоровъ нашей Академіи, усопшій неутомимо трудился здѣсь цѣлую четверть столѣтія на поприщѣ своего служенія наукѣ. Его труды извѣстны всѣмъ въ ученомъ мірѣ и снискали авторитетъ и уваженіе. А его общественная дѣятельность! Кто не знаетъ усопшаго не только здѣсь въ Сергіевомъ-Посадѣ и Москвѣ, а и далеко за ихъ предѣлами? Я самъ былъ свидѣтелемъ этого. Невольно припоминается слѣдующій случай. — Ныѣшнимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ одномъ глухомъ и бѣдномъ селеніи своей Тульской губерніи. Здѣсь встрѣтился я съ сельскимъ диакономъ. Разговорившись со мной и узнавъ отъ меня, что я студентъ Московскоѣ Дух. Академіи, онъ началъ съ интересомъ спрашивать объ Иванѣ Николаевичѣ и, прощаясь со мной, попросилъ, по пріѣздѣ въ Академію, передать ему низкій поклонъ. Это былъ ученикъ усопшаго, въ его бытность смотрителемъ Тульскаго духовнаго училища, по семейнымъ обстоятельствамъ не окончившій курса семинаріи и поступившій въ діакона. А кто изъ живущихъ въ Посадѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ не обращался къ усопшему? Кто изъ просящихъ его не получалъ просимое, оставался когда-либо тощъ? Почившій не любилъ отказывать—и не могъ. Его духовная связь особенно съ своими учениками и питомцами была всегда крѣпка, не только въ годы ученія и пребыванія въ стѣнахъ Академіи, а и послѣ и внѣ стѣнъ этого учебнаго заведенія. Не будемъ, однако, много говорить о

научной и общественной дѣятельности почившаго: пусть это цѣнятся наука и общество. Мы же цѣнимъ любящее сердце усопшаго, снискавшее ему общее уваженіе и горячую любовь; для насъ дорога и поучительна его любовь къ труду,—любовь, которую не могла сломить и физическая немощь и которая давала ему жизненную стойкость. О, незабвенный нашъ наставникъ! Какъ тяжела для насъ твоя утрата! О, если бы ты могъ возстать изъ гроба и видѣть всѣхъ твоихъ питомцевъ, стоящихъ здѣсь у твоего гроба съ грустнымъ чувствомъ, при мысли, что скоро придется дать тебѣ „последнее цѣлованіе“ и сказать последнее „прости“!

Но, оплакивая твою кончину, дорогой нашъ наставникъ, мы все-таки утѣшаемъ себя тѣмъ, что твое дѣло не пройдетъ даромъ, что твое вліяніе не пропало, а живетъ въ насъ и будетъ передаваться черезъ насъ и нашимъ потомкамъ, что посѣянные тобою сѣмена возрастутъ сторицею!

Вѣчная память тебѣ, дорогой нашъ и незабвенный наставникъ!

Рѣчь студента IV курса Александра Платонова ¹⁾.

Незабвенный наставникъ!

Предъ нами твое бездыханное тѣло. Еще нѣсколько нашихъ молитвенныхъ о тебѣ вздоховъ.—и мы въ послѣдній разъ дадимъ тебѣ цѣлованіе нашей любви; еще нѣсколько мгновеній,—и грозно прозвучитъ тотъ роковой глаголь времени, когда ты, любившій и горячо любимый, будешь принять холодной землей въ ея ледяныя объятія и скроешься на вѣки отъ нашихъ взоровъ. Неужели это правда? неужели это не сонъ? неужели такъ быстро наступила разлука? Не хочетъ сердце вѣрить этому, но горькая дѣйствительность... о, какъ она ужасна!.. Давно-ль?... давно-ль мы видѣли тебя бодрымъ и жизнерадостнымъ? а теперь уже въ этомъ храмѣ безсмертнаго Бога отъ тебя вѣетъ дыханіе смерти. Давно-ль мы отвѣчали словомъ горячаго привѣта на твое теплое слово

¹⁾ Произнесена предъ цѣніемъ стихиры „Придите послѣднее цѣлованіе“.

безграничной любви къ намъ?—а теперь вокругъ тебя понишія головы юношей, твоихъ питомцевъ, съ грустью и тоской взирающихъ на твой безжизненный прахъ. Словно туча грозная повисла надъ нами: словно камень тяжелый, легъ на наше сердце; словно грома ударъ поразилъ насъ: и туча та смерть твоя была, а камень тотъ—вѣсть о кончинѣ твоей, и грома ударъ—тотъ общій стонъ, что вырвался изъ нашихъ сердець отъ великой скорби по тебѣ.

Какая горькая и невознаградимая потеря для насъ въ твоёмъ лицѣ! Надеждами и радостью живетъ наша юношеская студенческая семья. Но и ей знакомы бури житейскихъ невгодъ, и она падаетъ иногда подъ непосильнымъ для нея бременемъ земныхъ печалей и тревогъ. Такъ весело распускающийся и жизни полный молодой цвѣтокъ начинаетъ увядать подъ напоромъ грозной стихіи. Но пусть цвѣтокъ увидитъ лучъ солнца—и онъ снова оживится подъ его влияніемъ, всюду распространяющимъ радость и жизнь. И такимъ лучомъ солнца для насъ былъ ты, нашъ дорогой наставникъ, когда насъ удручали горести жизни. Повидимому, все погибло, всё надежды разрушены, вся радость убита. Но вотъ ты протягиваешь свою руку помощи, и буря миновала и снова въ сердцѣ—свѣтлая радость. Но теперь какъ быстро и какъ безвременно погасъ лучъ твоей любви, и этотъ взоръ, прежде всюду разливавшій ласку, какъ онъ мертвенно—неподвиженъ, и эти руки, прежде простиравшіяся ко всемъ съ дѣлами милосердія, какъ онѣ сами безпомощны и безсильны! Теперь предъ нами—одна бездыханная жертва любви къ намъ. Теперь мы должны служить тебѣ, дорогой и горячо любимый нашъ учитель; теперь ты, безпомощный, ищешь нашей помощи,—и вотъ тебѣ обѣтъ предъ гробомъ твоимъ въ вѣчной молитвѣ о тебѣ предъ престоломъ Любящаго тѣхъ, которые съ радостью въ этой жизни несутъ крестъ любви къ братьямъ своимъ. Но если у гроба этого позволительно и земное выраженіе благодарности тебѣ предъ разлукой съ тобой, то вотъ тебѣ нашъ отъ сердца земной поклонъ.

Рѣчь студента II курса Священника Феодосія Островскаго ¹⁾.

Дорогой наставникъ!—Всѣ мы знали, что тяжкій недугъ велъ тебя къ исходу изъ земной жизни. Ты во гробѣ; и съ тебя смерть взяла свою дань, разлучивъ съ этимъ міромъ! Теперь ты предстать предъ судищемъ Христовымъ, куда и всѣмъ намъ придется явиться, хотя и въ разное время. Хотя вся наша жизнь есть путь къ смерти, но часъ ея никому неизвѣстенъ. Мы знаемъ, сколько прожили, но никто не знаетъ, сколько еще остается ему жить. — Господь потребовалъ тебя, дорогой наставникъ, въ горнія обители въ то время, когда-бы рано еще, по человѣческому разумѣнію, отлучаться изъ этого міра.—Вѣдь не такъ давно еще намъ приходилось держать предъ тобою отвѣтъ: но съ тѣхъ поръ безжалостный недугъ привелъ тебя къ этому концу и отнял тебя изъ среды насъ. Невольно твоя смерть напоминаетъ каждому и его участь. Конечно, намъ живымъ трудно оставить свои земныя дѣла, желанія и мысли, потому что земное насъ окружаетъ, потому что земное намъ необходимо для земной жизни, но у твоего гроба, дорогой наставникъ, благовременно вспомнить и поучиться, какъ и намъ нести бремя своей жизни.

Ни для кого не тайна, что праздность была тебѣ незнакома. Трудъ, возложенный Богомъ на людей, какъ обязанность, какъ необходимое условіе жизни, былъ постояннымъ спутникомъ твоей жизни, и ты несъ его въ своемъ званіи и состояніи съ тою высотой, съ тѣмъ терпѣніемъ, которыя могутъ служить примѣромъ. — Разнообразенъ былъ твой трудъ: онъ касался и науки и устроения блага ближнихъ. Не намъ оцѣнивать твои дѣянія; мы, служители алтаря, вѣримъ, что на судѣ, которому ты теперь предстань, устоитъ душа твоя. Св. Церковь идетъ тебѣ на помощь. Ты пользовался уже ея спасительными таинствами, и теперь церковь, какъ сердобольная мать, пекущаяся о своихъ чадахъ, ходатайствуетъ за тебя у Царя небеснаго и имѣетъ твердое упованіе быть услышанною. Исполняя свой долгъ, она исполняетъ и твою просьбу: „непрестанно молитесь о мнѣ, взы-

¹⁾ Произнесена предъ выносомъ тѣла изъ церкви.

васъ ты устами Св. Церкви въ ея пѣснопѣніяхъ, да не низведенъ буду... на мѣсто мученія“. Да,—намъ живымъ до тѣхъ поръ, пока смерть не возьметъ и съ насъ своей данн, остается одно утѣшеніе—молитва: да упокоитъ Господь душу твою въ селеніи праведныхъ!—Аминь.

Стихотвореніе, прочитанное студентомъ III курса М. И. Бенеманскимъ въ кладбищенской церкви предъ литією:

„Предъ могилою собравшимся въ благоговѣнны
Тебѣ послѣднее „Прости“ сказать
Позволь еще ужъ разъ твои творенья
И трудолюбіе твое хвалою вѣнчать.

* *
*

Сколь памяты для насъ священные завѣты
Твоей всей жизни трудовой!
Мы слышимъ всѣ, что ласкою твоей согрѣты,
Къ труду зовущій голосъ твой.

* *
*

Вѣдь труженникъ ты былъ, какихъ ужъ мало
Въ нашъ вѣкъ истерзанннй, больной;
И хотъ давно ужъ плоть твоя страдала,
Всѣ время бодръ ты былъ своей великою душой.

* *
*

Тобой изученныхъ героевъ
Въ тебѣ великій духъ почилъ,
И будучи труда героемъ,
Ты насъ труду-жъ всегда училъ.

* *
*

Работалъ ты сколь многи лѣта
И не щадилъ здоровья своего!
Святителя ты славилъ Филарета,
Плѣняялъ насъ жизнію его.

* *
*

Ты жизнямъ многихъ успшихъ ужъ Владыкъ
Перомъ своимъ далъ книжное безсмертье.

Правдивъ былъ твой о нихъ языкъ...
 Въ безсмертн ихъ и для тебя безсмертье.

* *
 *

Ты новымъ свѣтомъ освѣтилъ
 Премудрыхъ еллиповъ о Богѣ, какъ Творецъ, идеи
 И твоихъ труды, устами коихъ говорилъ
 Самъ Духъ Святой при Филадельфѣ Птоломеѣ.

* *
 *

Подъ бременемъ труда твои негнулись руки...
 Богатства княжны Владыки Саввы
 Ты перенесъ въ родной намъ храмъ науки
 Жрецовъ его для вящей славы..

* *
 *

Ты пыль отъ хартии отряхнулъ,
 Далъ въ нихъ возможность разбираться
 И въ многія изъ нихъ самъ жизнь вдохнулъ,
 За что передъ тобой нельзя не поклоняться.

* *
 *

Всю жизнь ты „сыномъ Церкви“ жить,
 Мольбой горячею молился,
 По христіански всѣмъ благотворилъ,
 Для бѣдныхъ все время трудился.

* *
 *

И вдругъ среди трудовъ внезапно ты угасъ,
 Престало сердце твое биться,
 И роковой настала ужъ часъ
 Съ тобой навѣки намъ проститься.

* *
 *

За все: за всѣ твои творенья,
 Ученость гдѣ твоя видна,
 За тѣ отцовскія къ намъ отношенья,
 Любовь гдѣ лишь была одна,

* *
 *

Прими отъ насъ, о умъ высокій,
 И Церкви сынъ, наставникъ дорогой!
 Поклонъ всеобщій и глубокій,
 Какъ вѣрный знакъ любви святой.

* *
 *

Свидѣтельствуемъ мы нелицемѣрными устами,
 Что всѣ тебя глубоко чтимъ,
 Что образъ твой жить будетъ между нами
 Воспоминаньемъ вѣчно дорогимъ,

* *
 *

Что изъ земли родной, тобой любимой,
 Къ тому священному холму,
 Который будетъ надъ твоей могилой,
 Протопчемъ вѣчную тропу“.

* *
 *

Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунскаго ¹⁾.

Жизнь проходила въ трудахъ и лишенияхъ.
 Все—лишь для пользы и блага людей.
 Сколько даровъ онъ принесъ просвѣщенію!
 Сколько утѣшилъ несчастныхъ семей!
 Силы упали. Но духа стремленіе
 Также свѣжо, энергично, бодро.
 Тѣло на смертномъ одрѣ, въ истощеніи;
 Сердце все силится дѣлать добро.
 Вотъ и надъ нимъ пробилъ часъ воздаянія.
 Видѣлъ труды тѣ Небесный Отець.
 Будеть, сказалъ Онъ. Ты несъ послушаніе
 Вѣрно. Прими-жь заслуженный вѣнецъ.

Михаилъ Виноградовъ, студентъ 3 курса.

Рѣчь студента IV курса Александра Соболева ²⁾.

Здѣсь, на краю могилы, которая навсегда скроетъ отъ насъ дорогіе останки, позвольте и мнѣ сказать послѣднее прости почившему. Я не буду вспоминать о дѣятельности покойнаго, какъ профессора. Его заслуги по кафедрѣ по достоинству оцѣнены въ другихъ рѣчахъ, сказанныхъ при его гробѣ. Я укажу здѣсь на другую сторону дѣятельности

¹⁾ Прочитано въ кладбищенской церкви предъ литією.

²⁾ Произнесена на кладбищѣ.

Ивана Николаевича, я укажу на то участіе, которое принималъ онъ во всѣхъ, обращающихся къ нему. Его любвеобильное сердце находило откликъ на нужды и скорби каждаго, кто только обращался къ его помощи. Сколько разъ и мнѣ самому приходилось обращаться къ нему за совѣтомъ, за утѣшеніемъ, и могу сказать, что я никогда не отходилъ отъ него тошъ. Его совѣты мнѣ были совѣтами любящаго отца, его утѣшенія — утѣшеніями матери. Да и не только мнѣ. Товарищи, отказалъ ли почившій хоть одному въ чемъ-нибудь? Надобенъ-ли былъ кому совѣтъ, нужно ли было утѣшеніе, смѣло всякій шелъ къ Ивану Николаевичу, и онъ охотно выслушивалъ каждаго, давалъ совѣтъ, утѣшалъ, помогалъ, чѣмъ могъ. Ровный и мягкій въ обращеніи со всѣми, покойный въ полномъ смыслѣ слова былъ другомъ для всѣхъ. Не даромъ мы все собрались здѣсь отдать послѣдній долгъ тому, кого считали своимъ покровителемъ. Чѣмъ же мы можемъ возблагодарить Ивана Николаевича за его участіе, за его заботы? Послѣднее напутствіе, которымъ наша православная церковь провожаетъ усопшаго въ могилу, заключаетъ въ себѣ пожеланіе величайшаго блага, какое остается ему еще и на землѣ. И дѣйствительно, что можемъ быть дороже для человѣка, какъ не вѣчная память о немъ въ сердцахъ близкихъ, друзей и товарищей? Такъ пусть же это пожеланіе не останется только словомъ церковнаго гимна: сохранимъ въ нашихъ сердцахъ о почившемъ рабѣ Божіемъ, бояринѣ Іоаннѣ, вѣчную память!

Рѣчь неизвѣстной женщины сказанная на могилѣ проф. И. Н. Корсунскаго ¹⁾.

Вѣчная память тебѣ, рабъ Божій, Іоаннъ! Потрудился ты много за насъ грѣшныхъ. Хорошій ты былъ профессоръ, а человѣкъ еще лучше. Помолитесь за него православные! много людямъ добра онъ сдѣлалъ. Я сама, грѣшная, много милости отъ него получила. Хорошо онъ жилъ, хорошо и умеръ. Дай, Господи, и намъ такъ умереть! Господи, душу раба твоего Іоанна упокой! (плачь прервалъ ея слово).

¹⁾ Записалъ студ. IV кур. Г. В. Любомудровъ.